

ИГОРЬ
Атаманенко

**МЕДОВЫЙ
КАПКАН
для**

"ДЖОКОНДЫ"

Игорь Григорьевич Атаманенко
Медовый капкан
для «Джоконды»
Серия «Миссия выполнима»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32826470

*Медовый капкан для «Джоконды» – И. Г. Атаманенко: Вече; Москва;
2018*

ISBN 978-5-4484-7168-1

Аннотация

Это беспрецедентное повествование о романтической любви секретных агентов из противоборствующих спецслужб. Действие разворачивается в России, Турции, Франции и Германии. Невероятные приключения агентов, изощренные интриги офицеров-вербовщиков поразят воображение самых искушенных читателей и заставят поверить в то, что кажется нереальным.

В основу книги положен фактический материал из рассекреченных досье российских спецслужб. Роман выходит в новой редакции. Предыдущее издание знакомо читателям под названием «Сага о шпионской любви».

Содержание

Предисловие	5
Часть первая. Из большого шпионажа – в большую любовь	8
Глава первая. Сумерки резидента	8
Глава вторая. Напутствие генерала Козлова	18
Глава третья. Тайный кружок «Корсара»	21
Глава четвертая. Орудие главного калибра – к бою!	38
Глава пятая. Утро секретного агента	41
Глава шестая. Первая проба сил	53
Глава седьмая. Из девушки по вызову – в агентессы	58
Часть вторая. Непредсказуемы ипостаси людские	67
Глава первая. Быть «Шехерезадой» – хорошо, а «Джокондой» – плохо!	67
Глава вторая. Приказано совратить	70
Глава третья. Грезы «Шехерезады»	81
Глава четвертая. Откровения на явочной квартире	88
Глава пятая. «Константинов», «Янычар», «Шехерезада»	100
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Игорь Григорьевич Атаманенко Медовый капкан для «Джоконды»

© Атаманенко И.Г., 2018

© ООО «Издательство „Вече“», 2018

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия,
2018

Предисловие

«Когда человек идет по лестнице вверх, не уважает он ступени и всяк их попирает, хотя и не мог бы без них взобраться на вершину»

Едва ли можно более красноречиво определить отношение офицеров-вербовщиков к своим негласным помощникам – секретным агентам. А между тем последние, заложив тело и душу своим операторам, не щадя живота своего, «таскают каштаны из огня» – добывают для них информацию, – а тот, кто ею владеет, властвует...

Агентесса ЦРУ «Шехерезада» преуспела на поприще шпионажа. Но побеждает тот, кто старается сильнее. Не знавшая поражений в искусстве обольщения, «Шехерезада» сама попадает в «медовый капкан» – влюбляется в агента КГБ-ФСБ «Константинова», которому удастся склонить ее к выполнению отдельных поручений высших офицеров ФСБ.

Природа берет свое, и агенты влюбляются. Одновременно у них зарождается отвращение к шпионскому промыслу, в котором нет места для искренних чувств, а лишь интриги, ложь, цинизм и предательство. Между агентами и их операторами возникает стена отчуждения. «Константинов» и «Шехерезада» решают начать новую жизнь и бегут во Францию. Но, оказалось, не так-то просто вычеркнуть из памяти свое шпионское прошлое, тем более порвать со своими

спецслужбами, щупальца которых простираются по всему миру...

«Шехерезада» становится жертвой покушения, подстро-енного ее оператором из ЦРУ.

«Константинова» мучат угрызения совести за предатель-ство, и он передает в Москву добытые секретные коды, ко-торые должны реабилитировать его в глазах операторов из ФСБ. Через некоторое время «Константинов» получает но-вое задание.

Прочитав эту книгу, Вы получите исторические доказа-тельства, что наряду с проституцией, охотой, домостроением и земледелием древнейшей профессией является агентурная разведка;

вы сможете объективно судить о мотивах, которые подви-гают людей к негласному сотрудничеству со спецслужбами;

вы имеете уникальный шанс узнать, из какой социальной прослойки спецслужбы вербуют агентов влияния, подроб-ности их использования, в каких структурах России и госу-дарств Запада они действуют, наконец, об ущербе, который они наносят интересам своей страны;

вы станете свидетелем неравного брака между адмираль-шей танкерного флота Кристиной Онассис и клерком из «Совфрахта» Сергеем Каузовым и узнаете, как он добился ее руки и сердца;

вам откроются тайны деятельности «пиратов без флага и без родины» – наемников Иностранного легиона;

вы узнаете, в какую «копеечку» обошлись государственной казне 42 заграничных вояжа генсека Горбачева в обществе своей супруги;

вас, безусловно, заинтересует нетрадиционная любовь между звездами большого спорта.

Все, что сегодня в деятельности секретных служб вам кажется невероятным, станет очевидным по прочтении этого, без преувеличения, сенсационного романа-боевика!

Часть первая. Из большого шпионажа – в большую любовь

Глава первая. Сумерки резидента

Был уже двенадцатый час дня, когда полковник Гасан Ахмед-паша, военный атташе посольства Турции в Москве и по совместительству резидент военной турецкой разведки, проснулся от тревожного сердцебиения. С трудом освобождаясь от пут сна, более похожего на наркотическое забытие, огляделся. Высокие портьеры на окнах посольского особняка спущены, свет розового ночника, едва пробиваясь сквозь клубы табачного дыма, слабо освещал разбросанные по огромной постели шелковые подушки и подушечки. Сил едва хватило, чтобы, помянув недобрым словом свою беспечную жену Ширин, заядлую курильщицу, протянуть руку и включить кондиционер. Подтянув штаны пижамы и не найдя вторую туфлю, Ахмед-паша босиком прошлепал в ванную комнату. Приблизив свое крупное лицо с черными жокей-клубскими усами к зеркалу, движением, ставшим привычным за последние два месяца, он поочередно оттянул нижнее веко правого, затем левого глаза.

«На все воля Аллаха!» – еле шевельнулись губы военного

атташе, ибо белки по-прежнему тускло мерцали желтизной, и он, держась за правый бок, с трудом вошел в душевую кабину, включил горячую воду.

Ценнейший дар жизни – оптимизм – Гасан Ахмед-паша начал утрачивать после того, как во время прохождения плановой диспансеризации в американском военном госпитале узнал из разговора врачей, что умирает.

Вспомнив, что пациент прекрасно владеет американским сленгом, доктор Джек Макквин спохватился и, извинившись, предложил продолжить разговор вне смотрового кабинета.

«Мистер Ахмед-паша, – сказал он, как только они уселись в глубокие кожаные кресла комнаты для доверительных бесед с высокопоставленными клиентами, – вам следует начинать думать, что ваша жизнь продлится месяцы, а не годы».

Стало ошеломляюще тихо. Доктор нервно кашлянул. Турок кашлянул в ответ.

«У вас так называемый „тлеющий гепатит“ – хронический активный гепатит, вызванный столь неуловимым вирусом, что он имеет отрицательное название: „не-А, не-Б“. Специалисты по болезням печени знают этот вирус по „отпечаткам пальцев“, которые он оставляет, и по его репутации тихого убийцы. Хронический активный гепатит – это снижение мужской функции, прогрессирующее недомогание, которое разрушает печень, потом мозг – самый сложный орган человеческого тела. Печень – это источник энергии и обез-

вреживающий агрегат организма. Орган, столь же важный для жизни, как и более популярный, но менее сложный насос – сердце. Ваша болезнь тихо и без предварительных симптомов перешла в цирроз, рубцевание печени, которое часто вызывается алкоголизмом...»

«Но я ведь никогда не употреблял алкоголя», – парировал Ахмед-паша.

«...но также и вирусным гепатитом, врожденными и наследственными болезнями или воздействиями токсинов, – не обращая внимания на возражение пациента, продолжал Макквин. – Поскольку нарушился нормальный ток крови через печень, у вас возникло варикозное расширение вен пищевода. Если эти варикозные вены разорвутся, вы можете умереть от потери крови, а ваши шансы остаться в живых через год после серьезного кровотечения пищевода примерно 50 на 50... Но даже если вы переживете кровотечение, то в лучшем случае вам останется лет шесть-семь жизни... Кроме того, когда ваша печень больше не сможет фильтровать токсины из вашего организма, вы начнете впадать в ступор».

«В чем это выразится?»

«Вы не сможете прочесть газету, закончить фразу, иметь дело с деньгами. Через некоторое время вы неожиданно для себя выясните, что вам все труднее пользоваться основным инструментом вашей профессии – словами. При бездействии печени другие органы начнут разрушаться. Появятся эпизоды спутанности сознания, похожие на симптомы бо-

лезни Альцгеймера. Регрессия половой функции даст о себе знать в первую очередь, а это скажется на ваших супружеских отношениях. Жена попросту покинет вас. Если я не ошибаюсь, в приемной находится ваша супруга, которая, как мне кажется, много моложе вас, не так ли?»

«Жена покинет меня? У восточных народов это не принято...»

«В таком случае, страдая сами, вы обречете на физические страдания и ее, она начнет изменять вам. Вы, наблюдая ее неверность, будете страдать вдвойне».

Этот аргумент подействовал сильнее других.

«Где же выход?» – внешне сохраняя присутствие духа, поинтересовался разведчик.

«Операция... Пересадка печени от донора! Безусловно, это дороже, чем пересадка сердца, и процесс реабилитации длится значительно дольше и сложнее, а значит... еще дороже, но другого не дано!»

«Сколько пришлось бы заплатить?»

«Более пятисот тысяч долларов...»

Военный атташе *протяжно* посмотрел на доктора. Мог ли он объяснить собеседнику, что одна лишь учеба двух сыновей от первого брака в американской военной академии Вест-Пойнт не позволяет ему менять личный автомобиль чаще, чем раз в три года? Что он ждет присвоения генеральского звания, а ляг он на больничную койку сейчас – прощай служба, после чего он уже не нужен будет своей жене,

двадцатипятилетней красавице Ширин? Что, наконец, Коран против хирургических манипуляций с человеческими внутренностями?!

Полковник запротестовал, говоря, что прожил счастливую жизнь, имеет любящую жену и четырех взрослых детей, упирая на то, «что есть время жить и время умирать».

«Дети – детьми, – спокойно отреагировал Макквин, – но молодая жена... Я не пытаюсь вникнуть в подробности вашей личной жизни, вдовец вы или разведенный, – мне все равно. Но уже одно то, что вы женились на такой красавице, свидетельствует о вашей любви к жизни... Хотя бы только из-за нее вы должны продолжать бороться за жизнь...»

Это был едва ли не самый сильный аргумент доктора. Турок надолго задумался. Именно тогда Макквин нанес решающий удар.

«Вы знаете, дорогой Ахмед-паша, если со мной что-то случится, я был бы счастлив, если бы кто-то вроде вас остался жить с моей печенью, то есть для такого мужественного человека, каким в моем представлении являетесь вы, я мог бы выступить в роли донора...»

Расчувствовавшись, полковник, не отдавая отчета своим словам, поспешно произнес:

«Доктор, для вас я бы сделал то же самое!»

Макквин вскинул руки в притворном ужасе:

«А вот этого не надо! Я бы совсем не хотел иметь вашу печень!»

Искренне рассмеявшись и пожав друг другу руки, расстались друзьями.

* * *

После многих лет упорной борьбы с хронической болезнью печени, которая разрушала его организм, но не успела помрачить рассудок, Гасан Ахмед-паша, услышав вердикт врача, все еще не думал о смерти. Ему, боевому офицеру, в молодости не раз смотревшему в глаза смерти во время операций по усмирению курдских повстанцев, не пристало отступать под натиском неприятеля!

Будучи не в состоянии спать, он начал много читать по ночам, ища утешения в книгах. Особо запомнились слова, будто они были посвящены ему:

«Не ждите от Бога той мелочности, которую вы обнаружили в себе».

Полковник не стал «сердиться на умирающий свет». Более того, он стал снова учиться жить, учиться вести жизнь по-новому, осторожно, как кочевники в пустыне держат воду в ладонях. Теперь ему постоянно приходили на память строки классика турецкой литературы Махмуда Абдул Бакы, признанного знатока искусства умирать:

«Все безнадежно больные, услышав свой смертный приговор, проходят через несколько кругов: отрицание, гнев и, наконец, принятие».

Подтверждение своему отказу от хирургического вмешательства военный атташе нашел в беседах по телефону из Москвы с Мусой, старшим братом, психиатром стамбульской клиники.

«Гасан, запомни, – неоднократно повторял брат, – больные с пересаженной печенью никогда не выздоравливают. Они только обменивают смертельную болезнь на тот срок жизни, который может обеспечить для них Аллах и достижения медицины. Поэтому стоит ли выбрасывать на ветер деньги? Не лучше ли довериться консервативному лечению химическими препаратами и аутотренингу, в крайнем случае прибегнуть к помощи психоневролога или психиатра, в совершенстве владеющему искусством гипноза? Пойми, после трансплантации ты будешь чувствовать себя в обществе людей как прокаженный с колокольчиком на шее. Дар Аллаха – жизнь – превратится для тебя в пытку. На мой взгляд, надо дожидаться кризиса, то есть того кровотечения, о котором тебе говорил американец, а там будет видно. Читай Юнуса Эмре, у него есть прекрасные строки:

„Вы можете увидеть радугу только после дождя. И вы можете разделить радость, только испытав боль...“»

«Сколько, кстати, запросил с тебя американец за операцию?»

«Более полумиллиона долларов...»

«Ширин знает о диагнозе?»

«Нет, но доктор предупредил меня о неминуемом сниже-

нии потенции. Рано или поздно она догадается, что со мной не все в порядке...»

«Думаю, Гасан, перед Ширин ты сможешь оправдать свое бессилие занятостью по работе. Да и вообще, тебе не следует преждевременно извещать ее о результатах медицинского обследования...»

«Я тоже так думаю!»

Некоторое время братья молчали, думая каждый о своем. Наконец старший произнес:

«Даже если бы мы сумели убедить дядю Гаджи продать мебельную фабрику, нам все равно не удалось бы собрать требуемую сумму. Думаю, что с трансплантацией торопиться не следует. Кризис решит все, Аллах акбар!»

* * *

Ахмед-паша на словах внял совету старшего брата, потому что находился еще в круге первом – отрицании смертного приговора – и операции предпочел лечение лекарственными препаратами, полученными от доктора Макквина, и которые он втайне от молодой супруги глотал пригоршнями.

Одновременно, готовясь к худшему – трансплантации, военный атташе начал предпринимать некоторые шаги, которые, по его расчетам, должны были помочь в кратчайшие сроки собрать требуемую для операции сумму. Идею, сам того не подозревая, подсказал старший брат, упомянув ме-

бельную фабрику родного дяди.

«Если мы соединим мою безупречную репутацию офицера разведки и капиталы дядюшки, получится неплохой результат: я спасу свою жизнь, а Гаджи-ами удвоит, нет – удесятерит свое состояние! С помощью русских я получу даже больше чем полмиллиона, я добуду миллион долларов! Надо немедленно слетать в Стамбул, дядя не может не соблазниться предприятием, которое я ему предложу. Он поймет меня, так как привык жить в мире осязаемых, земных ценностей, а не заниматься распродажей небесных светил! Аллах акбар!»

* * *

Скаредность Гасана Ахмеда-паши – в целях экономии он вел международные телефонные переговоры с братом из своего служебного кабинета – была с аплодисментами встречена «слухачами» из российской контрразведки.

Содержание разговоров «Янычара» – под этой кличкой он проходил по оперативным учетам ФСБ – незамедлительно было доложено генерал-майору Казаченко, чья Отдельная служба занималась оперативной разработкой иностранных разведчиков, действующих в Москве под дипломатическим прикрытием.

Моральное и физическое состояние, в котором пребывал военный атташе, Казаченко оценил как основу, благоприятную для вербовочного подхода. Вопрос был в том, как его

реализовать: напрямую или опосредствованно?

Действительно, у каждого смертного свой недуг. У кого-то больна печень, и ему требуются деньги на лечение, а у кого-то зуд обладать чужими секретами, и для этого ему нужны вербовки кадровых сотрудников противоборствующих спецслужб, и чем больше их будет, тем лучше...

Глава вторая. Напутствие генерала Козлова

Зверское убийство английского разведчика в Шереметьевском аэропорту капитаном Аношиным Ганнибалом Ганнибаловичем было воспринято руководством ФСБ достаточно спокойно, как личная месть за убитого в свое время его отца, самодержца Чанги, но вот его исчезновение вызвало настоящий переполох. Состоялась коллегия ФСБ, которая вынесла вердикт: генерал Козлов отправляется на пенсию, Казаченко занимает его должность, и ему присваивается звание генерал-майора.

Передавая дела Казаченко, Козлов извлек со дна сейфа потрепанную общую тетрадь под грифом «Совершенно секретно. Хранить вечно».

— Олег Юрьевич, говорят, самый отъявленный атеист — это поп-расстрига, ставший таковым по воле несправедливого решения Синода. Лицемерить не стану, — потухшим голосом произнес Козлов, — санкции в свой адрес я действительно считаю несправедливыми и чувствую себя обиженным. Но не на религию, которую я исповедовал около тридцати лет и которую по должности представляет Синод, то есть коллегия нашего ведомства, а лишь на некоторых ее членов. Во время моей службы начальство одновременно вешало на меня и собак, и ордена. Я благосклонно, как вердикт судьбы, при-

нимал и то, и другое, но сейчас – нет! Не могу согласиться с решением коллегии... Короче, так! Эту тетрадь, будь я обижен на нашу религию, я со спокойной душой уничтожил бы по акту...

Генерал *протяжно* взглянул на своего бывшего подчиненного.

– Но делать этого не буду, ибо уверен, что сведения, здесь собранные, по-прежнему актуальны и помогут дать ответы на некоторые вопросы нашей повседневной работы.

Заметь, эта тетрадь – не свод ответов на кроссворды, которые нам, контрразведчикам, приходится решать каждый день. Это не молитвенник, который, однажды зазубрив, ты сможешь, представься случай, по памяти читать и за здоровье, и за упокой. Отнюдь! Здесь собраны и описаны достаточно оригинальные методы разведывательных ухищрений противника и способы противодействия им. Особо обрати внимание на последние...

Лекцию читать тебе не стану, ты и сам прекрасно знаешь, что дело это пустое – искать разницу между «благородной разведкой» и «низменным шпионажем», а уж в то, в какие тяжкие нам приходится пускаться, чтобы переиграть противника, ты посвящен не хуже моего. Словом, здесь ты встретишь нестандартные ситуации – открой и полистай этот «Талмуд». Его вел мой наставник, ему он достался по наследству от его предшественника, ну, и так далее...

Думаю, не все содержание «Талмуда» пригодится тебе,

но одно знаю наверняка: все материалы, касающиеся лично «Константинова», обязательно пригодятся в ходе работы с ним. В добрый час!

* * *

Планируя мероприятия по активизации разработки «Янычара» и его жены, проходившей под кодовым именем «Шехерезада», Казаченко не преминул воспользоваться советом бывшего шефа и, засидевшись допоздна в рабочем кабинете, неспешно перелистывал ту часть тетради, где в деталях были описаны операции по разработке объектов заинтересованности службы, в которых был задействован агент «Константинов».

Одинаково впечатляли и материалы «Талмуда», и сведения из личного дела агента — все читалось как приключенческий роман.

Глава третья. Тайный кружок «Корсара»

*Из личного дела №-00000 секретного агента КГБ
«КОНСТАНТИНОВ»*

...В начале XX века Османская империя занимала первое место по численности жителей-армян (второе – Российская империя) и второе после Греции по количеству проживавших в ней греков. Армянские и греческие общины существовали во всех больших городах Турции. Трапезунд (ныне Трабзон), где в 1899 году родился дед агента, которого называли в честь завоевателя Малой Азии греческого царя Митридатом, исключением не стал. Там существовал и греческий квартал, где семья Иоакимиди держала скобяную лавку, и греческая школа, и православная церковь. Жизнь текла своим чередом. Митридат переходил из класса в класс и уже подумывал о продолжении образования после школы, как вдруг началась Первая мировая война.

Турция была союзницей Германии, а значит, противником Российской империи, чьей армией на Южном фронте командовал православный армянин Андраник Торосович Озаян, прозванный турками «Андраник-паша». Когда турки радовались успехам кайзера Вильгельма, то турецкие армяне и греки приветствовали победы царя Николая, но старались

делать это так, чтобы турецкое окружение этого не видело. Однако радость в глазах православных после каждой удачной вылазки российских войск была видна все отчетливее, и 24 апреля 1915 года в Турции начались погромы православных греков и армян. Сначала в Константинополе, а затем и в приграничных с Россией городах. Отец Митридата сразу осознал смертельную опасность и, погрузив все свое семейство на утлое суденышко, отбыл в сторону Батума.

Исколесив все побережье Черного моря, семья наконец обосновалась в Геленджике, где в 1947 году родился Аристотель Константинович Иоакимиди, будущий секретный агент КГБ «Константинов».

В детстве, пока были живы прадед и дед, Аристотель неплохо освоил разговорный турецкий язык, которым пользовались старейшины семьи Иоакимиди, чтобы обмениваться мнениями о своих невестках и зятях, которые, в отличие от них, владели только греческим и русским. Маленький Ари, постоянно вертевшийся у стариков под ногами, впитывал, как губка, каждое произнесенное ими слово. Разумеется, прежде всего он научился ругаться матом по-турецки. Но это так, к слову...

Окончив греческую школу, он в 1964 году поступил учиться на факультет романо-германской филологии в Краснодарский пединститут. Способный к языкам студент, к тому же яркой внешности, Аристотель не мог не привлечь внимания сотрудников местного Управления КГБ. Получив предложение о негласном

сотрудничестве, он долго не раздумывал и навсегда связал свою жизнь с органами госбезопасности.

21 апреля 1967 года группа армейских офицеров совершила в Греции государственный переворот и установила режим военной диктатуры. Офицеры, больше известные мировой общественности как «черные полковники», действовали по планам, разработанным в штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли, и поэтому первый свой удар обрушили на резидентуры КГБ и ГРУ. Наши разведчики, работавшие под прикрытием дипломатической, торговой и других миссий, были высланы или бежали из страны.

Десятки греческих граждан – секретные агенты, – действовавшие в интересах наших спецслужб, были схвачены и зверски замучены в застенках асфалии – политической полиции Греции.

В КГБ было принято решение восполнить понесенные в Греции потери активизацией работы по греческим дипломатам, находящимся в Москве. Цель – приобретение в их среде источников информации. Для этого Центру нужны были люди. Второе главное управление (Центральный контрразведывательный орган КГБ) обязало местные органы: ищите молодых греков, способных к чекистской работе. Из Краснодара ответили: есть такой человек.

Из характеристики агента «Константинов»

«...Глубокое проникновение в суть дела, трезвая расчетливость, дальновидность, основательность. Адаптация к новой обстановке высокая.

Ответственность за свои обещания, обязательства выполняет аккуратно и в срок. Постоянно нацелен на успех. Имеет высокий уровень навыков и умений в изучении людей, установлении и закреплении контактов, добывании информации, интересующей органы госбезопасности. Обладает развитой наблюдательностью, быстро ориентируется в незнакомой среде и трудной ситуации. В достаточной мере владеет психологическим механизмом выведывания.

Легко сходится с людьми независимо от их социального положения. Держится просто, непринужденно, с достоинством. Имеет разнообразные утилитарные, познавательные, культурные, престижные потребности.

Вполне надежен. Может быть использован в качестве агента-вербовщика.

Пользуется безусловным успехом у женщин независимо от возраста. Внешне весьма привлекателен. Обладает от природы повышенной мужской функцией...»

*** * ***

В Москве «Константинов» оказался под началом Козлова, тогда еще носившего лейтенантские погоны и работавшего в отделе Второго главного управления КГБ, занимавшегося разработкой иностранных разведчиков, действовав-

ших «под крышей» зарубежных посольств. Ему удалось убедить свое руководство в целесообразности оформить Иоакимиди как особо засекреченного спецagenta с ежемесячной ставкой, равной окладу оперуполномоченного центрального аппарата КГБ. Кроме того, агента надо было обустроить в Москве.

С жильем в столице всегда было трудно, большинство кадровых сотрудников ютились в коммуналках, отдельные квартиры предоставлялись только начальствующему составу.

«Константинову» с учетом той деятельности, которой ему предстояло заниматься, требовалась отдельная квартира. Пришлось пожертвовать одной из конспиративных квартир в Староконюшенном переулке. Ответственным квартиросъемщиком стал некий Александриди. На эту фамилию агенту был выдан паспорт, а позднее и бессрочное свидетельство об освобождении по состоянию здоровья от воинской службы – «белый билет», – чтобы не докучали военкоматы...

В связи с осложнением оперативной обстановки в Греции первостепенное значение приобретало создание каналов проникновения в среду греческих дипломатов, аккредитованных в Москве.

Чем увлекались иностранные дипломаты вообще и греческие в частности в столице конца 1960-х? Бизнесом на антиквариате, иконах, ювелирных украшениях, являвшихся семейными реликвиями русской придворной знати. Секретари всех рангов всех посольств, не говоря уж о простых

клерках, не считали для себя зазорным проведение операций с советской фотоаппаратурой и часами. Во внерабочее время иностранцы устремлялись в театры и на поиск красивых и уступчивых женщин. В этих сферах и планировалось использовать «Константинова», там предстояло ему искать встреч, завязывать знакомства.

«Послушай-ка, Ари, а не сделать ли тебя морским офицером», – предложил как-то Козлов.

Морская форма преобразила «Константинова». Яркой внешности от природы Аристотель в мундире капитан-лейтенанта стал вообще неотразим.

Не прошло и месяца, как он превратился в завсегдатая театров, антикварных и художественных салонов, комиссионных магазинов. Чаще всего его можно было встретить в ювелирном магазине в Столешниковом переулке. Там на ниве бизнеса он сошелся с секретарем греческого посольства. Обоюдный интерес к драгоценностям закончился согласием дипломата помочь информацией и шифрами. Удача! Орден и молниеносное продвижение по служебной лестнице Козлову были обеспечены: начав операцию лейтенантом, он завершил ее капитаном.

Проплаченные комитетом репетиторы из Большого театра натаскивали «Константинова» по части светских манер, ставили ему литературное произношение, давали уроки хороших манер и обхождения с дамами из советского высшего света.

Скоро Аристотель свободно ориентировался в мире московской богемы, ее тайн и интриг, капризов и интересов.

Разве можно устоять под взглядом этих оливковых глаз, разве можно отказать обезоруживающей улыбке этого морского дьявола? А его широта и щедрость? Они не знали границ. Что ж, досрочно списанный на берег бывший командир атомной подводной лодки, а ныне начальник отдела в Главном штабе Военно-морского флота СССР получал неплохие деньги. К тому же он не женат и детей не имеет.

Вскоре подружки Аристотеля дали ему прозвище «Корсар». Не было случая, чтобы «абордаж» новых кадров «Константиновым» потерпел неудачу.

Через некоторое время, перепробовав поочередно каждую из вновь рекрутированных опереточных танцовщиц или певичек, Аристотель приглашал их на ужин в дорогой ресторан. Обычно это был «Берлин» или «Метрополь». Как-то случайно за столом оказывались иностранные дипломаты. Неотразимый и сияющий «Константинов» блестяще произносил тосты, шампанское лилось рекой, языки развязывались, информация хлестала через край...

Москва конца 1960-х – театральная, музыкальная, пьющая, фарцующая, гулящая. Вот в этой Москве – светской и одновременно распутной – «Константинов» был своим человеком.

Галантный, остроумный капитан-лейтенант производил впечатление надежного мужчины, готового быть и другом, и

деловым партнером, способным повернуть дельце и вывернуться из любой непредвиденной ситуации и в то же время устроить для очередной любовницы из Большого незабываемую ночь-праздник, сексуальный фестиваль, после которого она уже отвергала домогательства других поклонников. Все это был Аристотель Иоакимиди, в «иночестве» – «Константинов».

Его видели с артистками в «Пекине» и «Национале», он собирал компании на подмосковных дачах, талантливо раскручивал флирт и интриги, за оргиями не забывая своего основного предназначения – добывания интересующей КГБ информации.

Козлов прекрасно знал, на чем замешана трагедия Кирова, – на балеринах Ленинградского оперного театра. Любовницы-танцовщицы приревновали лидера ленинградских коммунистов к его последней пассии – официантке Мильде Драуле – и сделали все возможное, чтобы ее ревнивый до безумия муж узнал о приключениях ненаглядной женушки с трибуном партии большевиков. Было известно Козлову и роковое увлечение маршала Тухачевского прима-балериной из Большого. Поэтому-то его усилия были направлены на то, чтобы в фокусе внимания «Константинова» постоянно находились лица, вращающиеся в околоторческой среде...

Советской власти за время своего существования не удалось изменить психологию мужской половины Советского Союза, а уж об иностранцах и говорить не приходится.

Наши партийные и военные деятели, иностранные дипломаты всех рангов по-прежнему «западали» на модных актрис, певиц и изящных балерин. Информацию об интересных КГБ людях «Константинов» добывал через своих многочисленных наложниц, которых он сначала укладывал в постель объекта, а затем в свою, где ему ничего не подозревавшие подружки, как на исповеди, выкладывали все...

* * *

Однажды в Столешниковом переулке «Константинов» познакомился с молодой женщиной ослепительной красоты, которая пыталась сбыть золотой браслет. Агенту было достаточно одного взгляда, чтобы определить, что вещь представляет собой не столько материальную, сколько художественно-историческую ценность. Разговорились. Выяснилось, что Тамаре – так представилась незнакомка – браслет подарил иранский дипломат, а сбыть она его решила не от хорошей жизни: нужны были деньги на аборт.

«Константинов», как всегда в форме морского офицера, предложил за браслет цену, вдвое превышавшую оценочную. Не без патетики заявил, что офицерская честь не позволяет ему наживаться на горе такой красивой женщины. Просил полчаса, чтобы достать недостающую сумму. На самом деле эти тридцать минут нужны были агенту, чтобы, известив Козлова, принять совместное решение.

Когда «Константинов» обрисовал шефу женщину, тот заорал в трубку, что немедленно высылает бригаду «наружки» для захвата «продавщицы» с поличным...

Женщина оказалась на Лубянке, где серьезный дядя (в роли следователя выступал Козлов) сказал: статья такая-то, спекуляция в особо крупных размерах, восемь лет как минимум, и к бабке не ходи...

Тамара плакала, умоляла простить. Но дядя объяснил, что Лубянка – не церковь, где можно отмолить грехи, их здесь отрабатывают. Через час он положил перед ней папку – «Уголовное дело №...», в котором основным фигурантом была она...

Разговор по душам закончился предложением выполнить несколько деликатных поручений, познакомившись с иностранцами, на которых укажет дядя. Сразу предупредил, что для их выполнения, возможно, придется вступать в сексуальную связь с объектами... Способ разоблачения шпионов поначалу показался Тамаре несколько странным, но чего не сделаешь на благо своей социалистической Отчизны и чтобы избежать зоны!

Вслед за этим Козлов, чтобы развеять возникшие у женщины сомнения о целесообразности ее участия в разработке интересующих органы госбезопасности лиц, привел ей несколько примеров о роли женщин – агентесс экстра-класса – в деятельности различных секретных служб мира.

По окончании экскурса в историю вербовочной деятель-

ности Тамара поняла, что лучше «стучать», чем перестукиваться. Она одарила своего «благодетеля» обворожительной улыбкой и, глядя ему прямо в зрачки, сказала:

«Благодарю вас, Леонид Иосифович, за лекцию... Я согласна работать с вами!»

И началось...

От мелкой спекуляции – к большой контрразведке

Тамара – в оперативных учетах КГБ агент «Алиса» – оказалась способной ученицей, доказательством чему служили и профессии, которыми она овладела, готовясь участвовать в оперативной разработке объектов, интересующих Отдельную службу генерала Козлова, и добытая ею информация.

Магическая красота и загадочная харизма новоиспеченной агентессы, ее умение настроиться на волну собеседника срабатывали безотказно. Будто невзначай поставленные вопросы развязывали языки. Одним намеком на возможность провести с ней вечер она делала покладистыми объекты, независимо от их возраста, расы и профессии. «Алисе» было свойственно не только гипнотическое обаяние, но и чрезвычайная самоуверенность. Еще бы – за спиной генерал КГБ!

На этом и зиждилась тактика Козлова, превратившего свою секретную помощницу в не знающую поражений оболстительницу и похитительницу важных сведений.

Манящий шарм агентессы придавал ее отношениям с объектами особую пикантность, ей по плечу были амплуа парикмахера, машинистки или манекенщицы. Порой «Алиса» была журналисткой, ведущей рубрику светской хроники в молодежной газете, временами – актрисой театра. Иногда впечатляющих результатов она добивалась, выступая в роли массажистки элитной сауны. Там сама обстановка располагала к откровенности: обнажались не только тела, но и души. Получив «санкцию на любовь», «Алиса» от легкой пальпации плавно переходила к общему массажу тела, приговаривая: «живот на живот, и все заживет». Факт общеизвестный: когда красивая голая женщина распахивает ноги, мужчина рассказывает *все*.

Словом, в какой бы ипостаси ни выступала «Алиса», Козлов получал ценную информацию.

Агентурный тандем

«Алиса» и «Константинов» часто работали в паре, изображая влюбленную пару.

Козлов их выступления называл «Театром двух актеров». В ресторане, как правило это был «Метрополь», «Националь» или «Пекин», молодые люди – донжуан в форме морского офицера и его ослепительной красоты спутница – устраивались за столиком по соседству с ужинавшим в одиночестве иностранцем – объектом, нужным генералу Козло-

ву, – о неистребимом влечении которого к красивым женщинам было известно заранее и доподлинно.

Сразу после того, как «Алиса» начинала плотоядным взглядом пожирать объект и выразительно ему подмигивать, между любовниками вспыхивала ссора.

Бурная сцена ревности неизменно заканчивалась уничтожением ресторанного реквизита. «Константинов», разыгрывая праведный гнев, вскакивал из-за стола, разбивал пару фужеров, а, в зависимости от настроения, еще и замахивался на свою «неблагодарную», флиртующую с кем попало. Бросал на стол крупную купюру и с гордо поднятой головой демонстративно покидал ресторан. Выход из зала был гвоздем мизансцены, призванным убедить объект, что возмущенный поведением своей спутницы моряк покинул ее, и по крайней мере на сегодняшний вечер, они разошлись «как в море корабли», а у иноземного счастливца – целых «семь футов под килем»...

Оставшись в одиночестве, «Алиса» загадочно посматривала в сторону объекта, ожидая утешений, – ведь он явился причиной ссоры! Не было случая, чтобы слова сочувствия заставили себя долго ждать. Выждав две-три минуты и убедившись, что морской офицер не вернется, иностранец подсаживался к безвременно «овдовевшей» красавице. Слово за слово, и знакомство состоялось, а дальше... «Алиса» никогда не подводила своего оператора, генерала Козлова. Информация всегда была добротной и своевременной...

«Анютины глазки»¹

Подстава «Алисы» иностранцам в ресторане помогла Козлову привлечь к сотрудничеству пару англичан и голландцев.

Было так.

Однажды он, выясняя оперативные возможности новоявленной секретной помощницы, поинтересовался, не приходилось ли ей иметь дело кроме иранского дипломата с другими иностранцами, находящимися в Москве по служебным делам?

Тамара с готовностью ответила, что у нее были контакты с дипломатами, работающими в посольствах Великобритании и Нидерландов в Москве. Однако общение с ними она прервала по причине их экстравагантных сексуальных запросов. Хотя, при необходимости, она могла бы возобновить знакомства, так как сохранила визитные карточки.

– И в чем их экстравагантность? – насторожился генерал.

– Да все они – «анютины глазки»...

– «Голубые», что ли?

– Нет-нет, Леонид Иосифович... Они мазохисты...

– И что ты с ними делала?

– За триста долларов я их размазывала по стене... И никогда не позволяла им себя трогать. Впрочем, они и не нуж-

¹ «Анютины глазки» (ит.) – мазохисты.

дались в половой близости... Один из таких моих «друзжков» был советником английского посла. Однажды он предложил мне заключить с ним контракт: за тысячу фунтов стерлингов в месяц я должна была играть роль изощренной великосветской дамы и по первому вызову, днем ли, ночью ли, мчаться к нему и делать все, что он мне предварительно продиктует по телефону... Предложение, конечно, заманчивое, но меня беспокоил его слишком буйный темперамент. Он переодевался в женское платье и хотел, чтобы я его унижала и оскорбляла... Я должна была называть его женским именем и обращаться с ним как со своей собственностью, ну, скажем, как с провинившейся домработницей. Кстати, его коллекции женских трусиков можно было позавидовать – она стократ превосходила мою...

Другой мой «друзжок» хотел, чтобы я делала вид, будто отрезаю у него член огромным ножом. Я изображала все, как он просил. Как оказалось, его девушка когда-то проделала с ним этот трюк, но не понарошку, а всамделишно и чуть было не лишила его мужского достоинства. Так вот, с тех пор от ощущения лезвия ножа на коже он балдел и достигал оргазма...

Вообще-то иметь дело с «анютиными глазками» – все равно что вертеть в руках гранату с выдернутой чекой: постоянно испытываешь страх, что она вот-вот взорвется. С этой публикой нужен постоянный контроль. Над ними и над собой. Ты командуешь, а они тебе подчиняются...

Однако такие отношения очень неустойчивы: «дружки» иногда начинали использовать мои штучки против меня же... Но я, как правило, умела увидеть, когда у них наступал перелом, ну, и предвосхищала последствия... Какое-то время они мне нравились больше, чем иранец, из-за того, что к ним не надо было даже прикасаться...

Я пришла к заключению, что их нужно было провести через три стадии. Первые две – унижение и рабское состояние. Во время третьей они просто мастурбировали передо мной. Но в течение всего общения необходимо было с ними разговаривать, постоянно подчеркивая, что они недостойны даже прикоснуться ко мне... Я на собственном опыте убедилась, как можно вертеть людьми с помощью одних только слов и команд... Знаете, Леонид Иосифович, мне кажется, «анютины глазки» – не редкость среди английских и голландских дипломатов, даже притом, что их жены здесь, в Москве...

– Что, в их среде есть и женатые?!

– Да в том-то все и дело, Леонид Иосифович! Я сделала вывод, что чем большего они достигли в жизни, тем скучнее им становится оттого, что окружающие – особенно женщины – охотно подчиняются их прихотям и капризам. Мне кажется, что со временем у них возникает потребность, чтобы кто-нибудь сказал им, что они – пустое место...

Как-то – и это явилось последним кадром в этом садомазохистском фильме с моим участием в главной роли – я приковала одного англичанина наручниками к биде, изре-

зала ему бритвой всю спину, а потом стала поливать раны водкой. Он словил кайф, а я почувствовала приступ тошноты. Когда я вернулась домой, меня вырвало. Вот тогда-то я решила: все, баста, иначе можно свихнуться! Но, вы знаете, не прошло и недели, мне вновь захотелось пообщаться, вдохнуть, так сказать, аромата «анютиных глазок»... Увы, не срослось – я встретила иранского дипломата...

– Ну а сейчас? Сейчас ты могла бы при необходимости возобновить отношения с кем-нибудь из знакомых тебе «анютиных глазок»? Не стошнит?

– Думаю, не стошнит...

– Что ж, будем считать, что твое согласие получено!

* * *

Олег, взглянув на часы, сунул «Талмуд» и личное дело агента в сейф и со словами:

– Надо срочно ввести «Константинова» в разработку «Шехерезады»! – покинул кабинет.

Глава четвертая. Орудие главного калибра – к бою!

Как уже было сказано, «Константинов», принимая участие в оперативных мероприятиях по разработке объектов заинтересованности контрразведки, выступал в роли офицера Главного штаба Военно-морского флота СССР.

Действительно, трудно придумать лучшую визитную карточку для агента, чем военная форма. С ее помощью можно не только без труда познакомиться с объектом, но и в течение нескольких минут завоевать его доверие, создав предпосылки для последующего развития контакта с целью получения необходимой информации.

Военно-морская форма на плечах агента имела еще одно преимущество. Если он привлекался к разработке установленных разведчиков – сотрудников военных атташатов недружественных стран, – то через него, как офицера, имеющего доступ к сведениям, составляющим военную тайну, можно «гнать дезу» – поставлять ложную информацию о нашей обороноспособности и военных приготовлениях.

*** * ***

Через три месяца круглосуточного наблюдения за «Яны-

чаром» и «Шехерезадой», в котором использовался весь комплекс оперативных средств: осведомители из числа обслуживающего персонала в местах жительства и работы объектов, «наружка» и аудиовидеоконтроль, генерал Казаченко пришел к выводу, что взаимоотношения супругов достигли критической точки и «курс лечения» – их разработку – пора активизировать, применив самое действенное оперативное снадобье – «амурный дар» особо ценного агента «Константинова».

О необходимости принятия экстренных мер свидетельствовало, прежде всего, состояние здоровья «Янычара». С каждым днем увеличивалось количество опорожненных упаковок от медикаментов – об этом докладывала агент «Виолетта», служившая у объектов горничной. Кроме того, она сообщила, что в личных вещах «Шехерезады» обнаружила десяток различных размеров фаллоимитаторов.

Наконец сыщики наружного наблюдения зафиксировали сближение «Шехерезады» с Эббой Йонсен, женой шведского посланника, известной в дипломатических кругах лесбиянкой. И хотя инициатива нарождавшейся «розовой» любви принадлежала шведке, стало ясно, что ее домогательства были бы отвергнуты турчанкой, если бы не прогрессирующая болезнь и сексуальная несостоятельность «Янычара».

Промедление – провалу разработки подобно, и Казаченко отдал приказ:

«Оружие главного калибра – агента „Константинова“ – к

бою!»

Глава пятая. Утро секретного агента

«Константинов» брился, стоя перед зеркальным шкафом. Что может быть лучше ощущения горячего прилива жизни! Черт возьми, какая легкость во всем теле. Кровь так всего и оmyвает, пена для бритья так и кипит на щеках – вены готовы взорваться от адреналина. Так славно вчера все получилось! А этот новый шеф, молодой генерал Казаченко, оказывается, не глупее мудрого змия Козлова. Надо же, как тонко все просчитал!

«Константинов» повел плечом, и ноги сами притопнули по ковро. Это же счастье – жизнь, полная приключений! А кто их создает? Правильно – иностранные разведки и КГБ, или, как бишь, его теперь называют? А, ну да – ФСБ!

И, вдруг испугавшись – «не прыщик ли»? – Аристотель придвинулся к зеркалу. Прыщика не было.

– Нет, он есть. Прыщик – это я! – вслух сказал себе «Константинов». – А иностранные разведчики и генералы Козлов и Казаченко – это мои целители...

От этой мысли стало чуть-чуть грустно.

«Ничего, – успокоил себя агент, – у каждого своя судьба и свое предназначение: кому-то кашу заваривать, а кому и пробу с нее снимать. Вы, ребята, придумывайте, анализируйте, противоборствуйте, а пенки наслаждений снимать буду я! И как можно чаще вводите меня в разработку таких

красоток, как вчерашняя турчанка! Такую девочку надо еще поискать. А найди ее кто-то, на вас не работающий, так вы же сами его к ней и не подпустите, потому как она – объект вашей оперативной заинтересованности! И чтоб я делал без вас, дорогие мои операторы?! Воистину *„плыть по течению особенно легко при попутном ветре“*. Вы – тот самый ветер, который надувает мои паруса...»

Повеселев от оценки собственной роли в контрразведывательных мероприятиях и воспоминаний о вчерашнем событии, Аристотель бросил бритву на стеклянную доску, выбежал из ванной комнаты и схватил лежащую на письменном столе визитную карточку.

«Надо же придумать такую должность – помощник советника по этническим вопросам! Наверняка на дипломатическую службу она попала по блату. Интересно, кто ее спонсор? Да, облагодетельствовать такую кошечку – одно удовольствие. А коль скоро филантропия сегодня не в моде, то какой же страстной была ее благодарность? Стоп! Казаченко что-то там говорил о ее муже, „шишкаре“ в посольской резидентуре, он – основная цель разработки. Ничего, доберемся и до него! Будем продвигаться к мужу не торопясь, короткими перебежками, а лучше – ползком. Сначала раскрутим роман с турчанкой, а Казаченко подождет! Дольше едешь – больше командировочных. Это аксиома!

Вообще, черт возьми, как удивительно устроен этот мир! Ах, Ширин, Ширин! Стоило нам встретиться с тобой глаза-

ми, как мы сразу поняли, что наш роман состоится! Не будь я связан заданием, не будь „наружки“ вокруг, а то, что она была, сомнений быть не может, зря я, что ли, четверть века отпахал на генерала Козлова, мы с тобой, моя красавица, уже через десять минут мчались бы ко мне домой!

Да, определенно что-то есть в тебе такое, дорогая моя, чего не заметил в тебе еще ни один мужик! Ты не просто красива, ты обворожительная фея! Твои глаза – два манящих капкана, из которых не выбраться! А какая глубина! Это же пучина, пропасть. Смотришь в них, и дух захватывает, голова кружится, будто в бездну сорвался!»

Аристотель повернул никелированные краны, горячая вода с шумом полилась в белую ванну, поднимая облачка пара. Закрыл воду, сбросил пижаму и, вздрагивая от звериного наслаждения, с шумом окунулся по самый подбородок. Пролетая наслаждение, поворачивался с боку на бок, оживляя в памяти подробности вчерашнего знакомства с прекрасной турчанкой...

* * *

Стоило молодой красавице наклониться, чтобы запереть дверцу темно-синего «мерседеса», как тут же порыв ветра, выпорхнув из-за угла Тверской на Страстной бульвар, насмешливо забросил подол ей на плечи, обнажил ее прелести. Проходившие рядом мужчины на мгновение застыли в изум-

лении, наслаждаясь импровизированным стриптизом.

Небрежным жестом женщина одернула платье и царственной поступью направилась к подъезду. На грохочущем лифте поднялась на пятый этаж и потянула на себя ручку обшарпанной двери.

– По вам, дорогая Ширин, можно сверять кремлевские куранты! – раздалось в глубине квартиры, и навстречу жене турецкого военного атташе выплыла известная в кругах московской артистической богемы портниха-белошвейка, великая искусница Эсфирь Моисеевна.

Женщины манерно обнялись. Хозяйка тараторила, не умолкая, изливая на иностранку ушаты восторженных похвал. Не были забыты ни умопомрачительной красоты фигура гостыи, ни ее глаза, волосы, кожа и прочая, прочая, прочая...

Под конец Эсфирь Моисеевна сделала провокационный комплимент Ширин, отметив ее изысканный вкус. Хотя Ширин была в восторге от работы белошвейки, эта ее уловка, превратившаяся в подобие ритуала, изрядно надоела турчанке. Она дипломатично парировала грубую лесть, ограничившись нейтральным замечанием.

– Извините, Эсфирь Моисеевна, я сегодня очень занята, поэтому кофе мы выпьем в следующий раз. Не возражаете?

– Ну что вы, что вы... Я вообще удивляюсь, как вам удастся выкроить время, чтобы посетить меня. Я готова примчаться к вам по первому же сигналу, вы только позвоните!

...Лишь только дверь за очаровательной клиенткой закрылась, как лицо угодливой хозяйки приобрело бульдожьи черты. Вынув из передника переговорное устройство, замуфлированное под портняжный мелок, она прорычала:

– «Первый», «первый»! Я – «Второй». Манекен вышел! Как поняли? Прием!

«Первый» прохрипел в ответ, что сигнал принят.

* * *

Турчанка вышла из подъезда, и ее взгляд уперся в спущенное колесо. Вынула из сумочки мобильный телефон. Секунду постояла в раздумье, но вдруг решительно открыла багажник и вытащила насос. Вспомнила, что для предстоящих манипуляций необходим еще и домкрат, но куда он запропастился, да и вообще, черт подери, как с ним обращаться?!

Ширин растерянно рассматривала свои перепачканные маслом белые перчатки, как вдруг к тротуару лихо свернула черная «Волга» и из нее выпрыгнул писанный красавец в форме морского офицера.

...Все жены профессиональных разведчиков, сопровождающие мужей во время длительных заграникомандировок, как наши, так и «ихние», в обязательном порядке проходят ускоренные «Курсы повышения квалификации оперсостава» (хотя о каком *повышении* и о каком *оперсоставе* может идти речь?!). Поэтому Ширин не только определила звание

офицера, как черт из катапульты, выпрыгнувшего из «Волги», но и, заметив, как ладно на нем сидел мундир, сделала вывод, что он – штабной служака. Однако количество орденских планок говорило о том, что на берег каперанг списан недавно, – таская дым в штанах по штабным коридорам, и за двадцать лет не заработать двенадцать наград!

«Ему, похоже, еще нет и пятидесяти... О, Аллах, да у него орден Красного Знамени и орден Красной Звезды! Значит, он воевал? А что? Говорит же Ахмед-паша, что русские ни на один день не прекращали тайных войн с момента прихода к власти большевиков, – передо мной живое тому подтверждение. Ничего себе сюрприз! Вот за такими русскими флибустьерами Ахмед-паша и приехал сюда поохотиться. Но этот чертовски хорош собой! Прямо-таки языческий бог, правда, изрядно поседевший. А глаза! Цвета морской волны, они просто завораживают...

Да, ордена просто так не даются... Вот бы Ахмед-пашу сюда! И почему ему не везет с русскими морскими офицерами? Поймай он в свои капканы парочку таких вот орденосцев – давно стал бы генералом! Стоп! У этого корсара восточный профиль! Кто он? Армянин? Азербайджанец? Ахмед-паша говорит, что в бывшем Советском Союзе кровосмешение достигало таких масштабов, что чистокровными остались лишь ахалтекинские скакуны и восточно-европейские овчарки...»

– Мадам, у вас проблемы? – «Константинов» взглядом

указал на насос в руках Ширин. – Если вас это не очень огорчит, мой водитель в вашем распоряжении. Старшина! – оборот головы к «Волге». – Ко мне бегом, марш! Надо же, оказывается, сказки бывают не только в книгах, но и на московских улицах: встретить красавицу из восточных сказок – это даже не сказка, это фантастика! – вперив пронзительный взгляд в зрачки турчанки, с искренним восторгом произнес агент.

– Спасибо за комплимент...

– Вы – женщина, не нуждающаяся в комплиментах!

Турчанка, не ожидавшая такого натиска, вмиг зарделась, опустила насос себе под ноги и тихо сказала:

– Спасибо и за этот комплимент... Не стоит беспокоиться. Я позвоню в посольство. Они приедут и все сделают...

– Посольство? Так вы не россиянка? А откуда вы?

– Я из Турции...

Услышав это, агент взял Ширин под локоть и увлек ее подалее от кромки тротуара.

– Бог мой, вот так сюрприз, – лицо «Константинова» озаарила улыбка, от которой таят льды на Северном полюсе. – Через месяц мне предстоит командировка в Стамбул. Вы в Москве по коммерческим делам?

– Нет, я сотрудник посольства...

– Ну да, конечно... Как это я сразу не обратил внимания на номер вашей машины. Хотя сейчас многие иностранные бизнесмены разъезжают по Москве на машинах дипломати-

ческих корпусов своих стран.

«Константинов» испытующе смотрел в глаза собеседницы.

– Нет-нет, я не коммерсантка...

Ширин, еще больше смутившись под этим гипнотическим взглядом, безотчетно сняла испачканные перчатки и бросила их в урну. Вдруг она решительным жестом распахнула сумочку и вынула визитную карточку.

– Вот, пожалуйста, возьмите!

«Константинов» внимательно прочитал текст.

– Откровенно говоря, я бы проехал мимо, если бы знал, что вы сотрудница посольства. Я приказал водителю остановиться, увидев красивую женщину с насосом в руках. В таких руках привычнее видеть цветы, бокал вина, но никак не... Что ж, видно, не судьба!

«Константинов» умолк, театрально потупив взгляд.

– Что вас смущает? Насос в моих руках или моя национальность? Турция – не самая плохая страна, не так ли? – с вызовом спросила Ширин.

– Меня? Ничто! Но мое начальство... – агент коснулся рукой погона. – Турция – в составе НАТО, нынешнее продвижение Северо-Восточного альянса к границам России и так далее... Я лишь могу сказать, как плохо, что большая политика мешает простым людям общаться, влюбляться, устраивать личную жизнь!

– Вы такой влюбчивый?

– Я бы не сказал... Я – вдовец.

– Простите, я не хотела вас обидеть...

– Ну что вы, не стоит извиняться, уже семь лет, как я потерял жену.

– У вас есть дети?

– Нет... А что это мы все обо мне да обо мне? Давайте о вас поговорим! – Агент многозначительно посмотрел на часы. – До совещания в Генеральном штабе у меня есть еще двадцать две минуты. Вы здесь по делу или просто проезжали мимо?

– По делу. Здесь живет моя портниха...

– Так, может, это она иголкой проколола колесо? Вы, наверно, ей плохо платите? Если что, можете рассчитывать на мою помощь!

«Константинов» комично округлил глаза и подмигнул турчанке.

Рассмеялись. Турчанка смеялась особенно громко – сказывалось нервное напряжение. Взгляд каперанга будоражил глубины души и притягивал, манил какой-то неземной силой.

– Благодарю вас, мой муж – военный атташе и неплохо зарабатывает. Кстати, в пятницу в нашем посольстве состоится прием, я приглашаю вас...

– По какому случаю прием?

– Колесо готово, Аристотель Константинович! – раздалось за спиной.

Агент, продолжая смотреть турчанке прямо в глаза, сжал ее руку.

– Как тебя зовут?

– Ширин... На визитке есть мое имя...

– Я хотел услышать, как произносишь его ты, чтобы называть тебя так, как тебе нравится. Это ведь древнее турецкое имя, я не ошибаюсь? – «Константинов» перешел на шепот.

– Да! Такое же древнее, как твое... Ты – грек? – спросила турчанка, не заметив, что они вдруг перешли на «ты».

– Греция – не самая плохая страна, не так ли? Что же вас смущает? Погоны на моих плечах или моя национальность?

«Константинов» в точности воспроизвел слова и интонацию иностранки. Снова рассмеялись.

– Вы остроумный человек, с вами надо держать уши острыми...

– Держать ухо востро...

– Извините... Я еще плохо знаю русский язык...

– Поверь мне, ты знаешь его в достаточной мере, чтобы понять слова любви... Вопрос в том, будет ли у меня возможность тебе их произнести? – комок застрял в горле агента, а глаза вмиг увлажнились. Срывающимся голосом агент спросил:

– Когда в следующий раз ты должна быть здесь? Скажи, и я приеду! Я брошу к черту все дела и примчусь немедленно!

Дыхание турчанки участилось, взгляд лихорадочно метался по лицу собеседника, она вдруг увидела стоявшие в

его глазах слезы. С трудом переведя дыхание, женщина прошептала:

– Аристотель, не надо...

«Константинов» уже двумя руками сжимал локти Ширин.

– Надо! Хотя бы одно свидание. Оно ведь ни к чему тебя не обязывает, поверь... Я позвоню, дай мне свой домашний телефон!

– Нет-нет! Завтра. Здесь. В это же время...

Турчанке показалось, что грек не расслышал ее слов, так как в это время он, склонив голову, покрывал поцелуями ее руки.

– Аристотель... Завтра... В это же время! – полузакрыв глаза, повторила Ширин. «Константинов» резко поднял голову, крепко поцеловал женщину в губы и, развернувшись по-военному на каблуках, нырнул в «Волгу»...

* * *

«Значит, сегодня у нас с тобой, дорогая Ширин, примерка. Похоже, она должна была состояться не сегодня, а позже, но для того, чтобы встретиться со мной, ты ответила так решительно: „Завтра!“ Девочка, ты и не подозреваешь, что за примерка предстоит нам обоим! Постараемся тебя не разочаровать! По-русски ты говоришь превосходно. Интересно, это тоже входит в обязанности помощника советника по этническим вопросам?

Черт! Забыл сказать Казаченко, что нужен букет роз. Прийти на первую встречу без цветов? Да никогда! Это все равно что заявиться к женщине на первое свидание в несвежих носках или нажравшись чеснока. Первое – тут же станет последним! Значит, придется заехать на Центральный рынок. Розы! И только белые! Как символ чистоты и невинности моих помыслов, наших будущих встреч и наслаждений... Приготовьтесь, господин Казаченко, выделить деньги еще и на розы. Судя по тому, сколько вы мне дали на сегодняшние развлечения, в вашей ФСБ напряженка с деньгами. Н-да, у Козлова в КГБ было по-другому. Генерал Козлов был прав, повторяя:

„Средства, потраченные на ухаживания за объектом, – гроши по сравнению с тем капиталом – информацией, – которой он располагает!“

Ну и времена настали! Похоже, у вас, чекистов, кроме чистых рук, горячих сердец и холодных голов теперь появилось еще одно отличие от прочего люда – пустые кошельки! Так, долой лирику, пора приниматься за дела!»

Глава шестая. Первая проба сил

В назначенный час «Константинов» на черной «Волге» со служебными номерами Министерства обороны подкатил к знакомому подъезду на Страстном бульваре.

– Ширин, добрый день! Первый раз в жизни встречаю такую пунктуальную женщину! – сказал Аристотель, усевшись в «мерседесе». – Признаться, я думал, что мне придется или долго ждать, или уехать ни с чем...

– Почему? – вместо приветствия спросила турчанка.

– Видишь ли, хотя я уж и не вспомню, когда последний раз назначал свидание женщине, но мне известно, что все женщины лишены чувства времени, поэтому всегда и всюду опаздывают. А во-вторых...

Агент умолк, выжидательно глядя на собеседницу.

– А во-вторых? – лукаво улыбнулась Ширин.

– А во-вторых, первым на свидание прибывает тот, кто от него ожидает большего, чем...

– Ты опасный человек, Аристотель! – ударив ладонью по рулю, с грустью в голосе заметила Ширин.

– Самый безобидный и незащитный человек на свете – это мужчина, сбежавший со службы, чтобы встретиться с возлюбленной! Почему же я опасен? – кротко произнес «Константинов», а про себя подумал:

«Привыкай, девочка! Я – тиран, деспот и буду все время,

играя на грани фола, подавлять твою психику... Но, в конце концов, поверь, тебе это понравится!»

– Потому что ты – психолог... Действительно, первым приходит тот, кто от свидания ожидает большего, чем другой...

«Константинов» прижался щекой к женскому плечу и примирительно сказал:

– Ширин, дорогая! О чем это мы с тобой заговорили? Кто из нас ждет от свидания больше, а кто меньше? Ну что нам с тобой делить? Уже одно то, что мы с тобой в служебное время вырвались на свидание, – это разве не доказательство, что от него мы ждем одинаково много?! Жаль, что я только в душе поэт, а то бы я сложил поэму, как сутки напролет, не смыкая глаз, поминутно смотрел на часы, ожидая наступления этой сказки – возможности вновь увидеть тебя! Пойдем, я тебе что-то покажу...

Агент нежно взял турчанку за руку и открыл дверцу. Ширин, безотчетно повинувшись, выбралась из машины не через свою дверь, а вслед за Аристотелем.

Увидев целый стог белых роз, заполнивших заднюю половину салона «Волги», турчанка, головой окунувшись в него, еле слышно выдохнула:

– Ты – поэт, Аристотель... Не на словах – в жизни!

Так и ехали: «Константинов» – за рулем, Ширин – в дурманящем цветочном сугробе сзади.

Когда выбрались на Можайское шоссе, Ширин вдруг спросила:

– Аристотель, а куда ты меня везешь?

«Отлично сказано, девочка! Мысленно я тебе, нет, не тебе – себе аплодирую! – оценил вопрос турчанки агент. – Ты правильно поставила вопрос: не куда *Мы* едем, а куда *Я* тебя везу! Значит, подсознательно ты уже готова к тому, что ведущий – я, а ты – ведомая».

Бесстрастным тоном, как если бы вопрос о маршруте был уже согласован, «Константинов», не отрывая глаз от дороги, коротко заметил:

– На дачу моего приятеля...

В ответ Ширин согласно кивнула головой. Затем, спохватившись, обеспокоенно спросила:

– А кто, кроме нас, там будет? Приятель?

«Это очень хорошо, что у тебя, девочка, всех-то и проблем – будет ли на даче приятель, а не когда мы вернемся и чем мы будем там заниматься! Или последнее – это уже для тебя вопрос решенный? Ну-ну, посмотрим, как ты поведешь себя дальше!»

«Константинов» весело рассмеялся.

– Нет, приятеля там не будет! Он – не поэт... Он – мой со-
служивец, и в рабочее время подсчитывает и оценивает сек-
реты, украденные нашей разведкой у военно-морских сил
стран НАТО. На даче будет только сторож. Он приготовит
шашлыки, пока мы будем кататься на катере. Ты каталась
когда-нибудь на катере по Москве-реке?

Надо было срочно перевести стрелки мыслительных про-
цессов иностранки на любой свободный путь, переключив ее
внимание, пока она не передумала, ехать или нет.

«Все, как будто идет по плану, но черт его знает, как ты
поведешь себя в следующую секунду! Мало ли что может за-
ставить тебя, девочка, круто изменить намеченный генера-
лом Казаченко и мною маршрут?!»

– Долго нам ехать?

Оценив вопрос, агент с облегчением вздохнул – возвра-
щаться с полпути не придется.

– Уже почти приехали...

Как только с Можайского выехали на Успенское шоссе,
«Константинов», чтобы окончательно отвлечь турчанку от
возможных размышлений о ее безрассудном поступке, на-
чал нести всякую чепуху о мелькавших за окном строениях,
их мнимых хозяевах, не забывая забрасывать попутчицу во-
просами.

– А вот здесь Молотов принимал свою любовницу, ба-
лерину из Большого... Помнишь такого сталинского мини-
стра?

– Конечно... Я училась в Сорбонне и прослушала специальный курс о вашей советской истории. Там я начала учить русский язык...

Агент, будто никогда не слышал от генерала Казаченко, что турчанка получила европейское воспитание и образование, разыграл искреннее изумление.

– Как?! Ты училась во Франции? Вот оно, оказывается, в чем дело! А я-то, влюбленный глупец, думаю, почему моя дорогая Ширин по Москве разъезжает не в парандже?! Н-да, как поет Володя Высоцкий: «Она жила в Париже, куда мне до нее!» Ты слышала, Ширин, песни Высоцкого?

– Конечно...

– А вот здесь, смотри-смотри, Микоян жарил шашлыки из осетрины и чуть не погиб, подавившись костью! А правда, что это ваше национальное блюдо, шашлык из осетрины?

– Ну, не совсем наше... Скорее это иранское национальное блюдо...

– А вот здесь, знаешь, что происходило в сталинские времена?...

Импровизировал агент искренне и самозабвенно, а в памяти всплывали эпизоды из жизни Ширин, рассказанные генералом Казаченко в ходе последней явки...

Глава седьмая. Из девушки по вызову – в агентессы

Ослепительной красоты девочку-подростка, доставленную в стамбульскую клинику с диагнозом «гнойный аппендицит», на операционном столе изнасиловал врач-маньяк.

Суд приговорил вурдалака к четвертованию, но горю семьи и репутации пятнадцатилетней Ширин это помочь не могло.

Ширин Фаттах-кызы, единственная дочь у родителей, внучка известного в Турции соратника Ататюрка, скрываясь от местных папарацци и людских пересудов, вынуждена была покинуть родину и выехать в Париж.

Вскоре, не вынеся горя и позора, покончил с собой ее отец, высокопоставленный правительственный чиновник, и Ширин, студентка факультета славянских языков Сорбонны, осталась без материальной и моральной поддержки...

...Умопомрачительно красивое юное создание, к тому же иностранка, Ширин не могла остаться незамеченной парижскими сутенерами, вербовавшими наложниц в студенческой среде.

Начали с малого: предложили за большие деньги позировать для мужских журналов. Один парижский журнал поместил ее цветное фото на обложке, и для Ширин это явилось следующей ступенью по лестнице, ведущей вниз.

Экзотическая красота и загадочный шарм турчанки, наконец, безупречные формы тела обратили на себя внимание людей, рассматривающих такие снимки с коммерческой точки зрения. Она получила предложение от нескольких почетных парижских клубов и приняла самое выгодное из них. За 250 франков в неделю она поступила в кабаре гостиницы «Пале Рояль».

В воздушном, украшенном блестками наряде она проделывала на маленькой сцене несколько ритмических движений, после чего по приглашению кого-нибудь из посетителей подсаживалась к его столику.

...Однажды обер-кельнер передал ей приглашение от Жоржа Бофиса. Обычно в таких случаях он говорил девушке несколько слов о кредитоспособности приглашающего.

Когда Ширин ворчливо спросила, что представляет собой этот Бофис, обер-кельнер коротко ответил:

– Я был бы рад получить десятую долю той суммы, на которую он раскошелится, если ты сумеешь ему понравиться.

Обер-кельнер не преувеличивал, хотя и не подозревал, что Бофис, успешно проворачивая спекулятивные сделки с недвижимостью, является платным агентом американской резидентуры ЦРУ в Париже. Когда Ширин подошла к его столику, он сразу перешел к делу:

– Здесь не место для тебя. Если хочешь, я помогу тебе достигнуть большего. Если ты доверишься мне, я введу тебя в высшие круги европейского общества...

Ширин почувствовала, что Бофис сулит ей не воздушные замки, и решила рискнуть. В тот же вечер, отказавшись от ангажемента в кабаре, она, уступив желанию Бофиса, переехала к нему на виллу в предместье Парижа.

Самым, пожалуй, удивительным в их отношениях было то, что стареющий повеса не прикоснулся к сказочно красивой турчанке, не сделал ее своей любовницей, хотя Ширин несколько месяцев жила у него.

Бофис, циничный покровитель молодого дарования, подобно театральному режиссеру, проходил с ней роль, которую ей предстояло играть на празднествах, устраиваемых им для своих друзей и партнеров по бизнесу. Эта была всего лишь роль девицы легкого поведения, но Ширин должна была добиться вершин совершенства.

Турчанка оказалась чрезвычайно способной ученицей, в пятнадцать лет едва отведав из чаши греха, с годами она стала пить полными глотками, подтверждением чему служили многие известные ее любовники, от Марлона Брандо до Майкла Дугласа и Ричарда Гира.

...Во время одного приема, который Бофис устроил у себя дома для друзей из американского посольства, все приглашенные – дипломаты и девушки по вызову – нагишом взапуски бегали по саду, изображая Адама и Еву. Совокуплялись, не таясь, на подстриженных лужайках.

Ширин, которой хозяином возбранялось принимать участие в подобных игрищах, обнаженная лежала на надувном

матрасе в бассейне, наблюдая за забавами гостей. Она заметила, как Бофис, занятый приготовлениями ночной программы, отвел в сторону какого-то джентльмена в смокинге и указал на нее, а затем украдкой сделал ей знак: на эту ночь ты принадлежишь ему.

Как впоследствии выяснилось, prostituiруя в среде мультимиллионеров, красавица турчанка попала в поле зрения «охотника за головами», офицера-вербовщика из ЦРУ Майкла Селлерса, который, ознакомившись с ее личным делом в Сорбонне и установив за ней наружное наблюдение, пришел к выводу, что из девочки можно воспитать агентессу экстра-класса.

...Селлерс, молодой привлекательный мужчина, подошел к краю бассейна и, представившись американским дипломатом, на хорошем французском сделал девушке то же предложение и в тех же выражениях, что полгода назад она услышала из уст Бофиса. Разница состояла в том, что незнакомец предлагал ввести ее «в высшее американское общество».

Ширин, для которой к тому времени менять покровителей стало так же привычно, как ежедневная смена носового платка в сумочке, немедленно ответила согласием. Ей и в голову не могло прийти, что Майкл Селлерс – так представился американец – является заместителем главы резидентуры ЦРУ в Париже и по совместительству оператором ее содержателя Жоржа Бофиса.

Не растерявшись, девушка поставила одно условие: опла-

тить ее обучение в университете.

– Меня вполне устраивает факультет, на котором вы обучаетесь, поэтому я готов оплатить вашу учебу, – ответил Селлерс.

Сделка состоялась. В последующие несколько лет никто из них не пожалел о заключении устного контракта.

...Цэрэушник начал обхаживать Ширин. Лишенная возможности общаться с богатыми клиентами, она вскоре полностью перешла на его содержание, не подозревая, что деньги он тратит не из собственного кошелька, а из кассы управления.

Поначалу ей казалось, что Майкл хочет с нею просто дружить, но зачем? Если Бофис не дотрагивался до нее, прибегая для своих друзей и партнеров, под которых он подкладывал ее без всяких колебаний, получая огромные комиссионные, то Майкл даже разговоров об интиме не заводил! В чем же дело?!

В ходе многочасовых бесед Селлерс часто повторял турчанке одну и ту же фразу:

«Я не хочу с тобой любовных отношений, потому что в таком случае будет нарушен существующий между нами пафос дистанции».

Однако, в конце концов, Майкл однажды не устоял перед соблазном, но предупредил ее, что женат, имеет двух малолетних детей и никогда не оставит семью.

«Нет отбросов – есть кадры!» – лозунг любой спецслужбы.

Американец, проплатив обучение Ширин в Парижском университете, начал «втемную» использовать турчанку в изучении сотрудников советской дипломатической миссии в Париже. Ширин, не подозревая о коварстве своего «благодетеля», стала весело, походя, добывать интересующую Селлерса информацию...

Со временем цэрэушник стал выводить Ширин в свет. Она стала его постоянной спутницей на дипломатических раутах в советском посольстве. Окружающим он представлял ее как свою жену. Свое стремление познакомить турчанку с кем-либо из присутствующих дипломатов американец объяснял желанием помочь ей как можно быстрее овладеть русским разговорным языком.

...Окончив Сорбонну, Ширин по настоянию Селлерса вернулась в Турцию и благодаря связям покойного отца начала работать в русском отделе турецкого министерства иностранных дел, совершенно не понимая из-за своей невероятной наивности, каким лакомым кусочком является для американца, для которого постельные забавы с необыкновенно красивой куколкой были лишь пикантной приправой к основному блюду – шпионажу.

Ширин абсолютно не понимала, во что вовлек ее «благо-

детель». Полагала, что, пересказывая Селлерсу содержание подслушанных разговоров русских дипломатов и изредка занимаясь с ним сексом, она таким образом погашает долг за оплаченную им учебу в университете.

Разведчик же, перебравшись за своей подопечной в Турцию, выжидал. В ожидании строил грандиозные планы по выводу турчанки, будущей агентессы экстра-класса, на разведывательные просторы России. И Судьба, наконец, взяла его за руку!..

Однажды, во время очередной встречи с турчанкой, Селлерс рассказал ей часть правды о своей работе. Ширин была шокирована. Майкл же, вслед за признанием, попросил сделать ему одолжение.

– Часть моей работы заключается в наблюдении за русскими дипломатами, я пытаюсь понять, что они замышляют. Ты знаешь этих людей, и ты мне очень поможешь, если поделишься со мной некоторыми из своих открытий и наблюдений и передашь мне, о чем они говорят. Так мне проще будет вычислять среди них моих коллег-разведчиков.

– Хорошо, – ответила Ширин. – Если тебе это принесет пользу.

– Не *мне*, а *нам* с тобой! – поправил турчанку разведчик.

Скоро Ширин стала весьма полезным источником, сообщая Селлерсу о содержании бесед, которые она проводила с русскими дипломатами в качестве помощника атташе по культуре турецкого МИД. В Лэнгли решили, что «плод со-

зрел», и завели агентурное дело «Джоконда».

* * *

Через полгода после возвращения в Турцию Ширин поняла, что злой рок следует за ней по пятам. Стамбул встретил ее в штыки – в местной печати снова замелькали заметки с подробным описанием глумления над ней врача-маньяка, а его родственники приложили немало усилий, чтобы с помощью отвязных папарацци добыть и предать гласности факты из ее порочной жизни в Париже. Скандал разрастался. С работой в МИД пришлось распрощаться. Обвиняемая в популяризации проституции в Турции, Ширин, получив очередную повестку в суд, поняла, что родина опять ее отвергла. Не знала она, что публикации в местной прессе о ее похождениях в Париже инспирированы и проплачены... Селлерсом.

...Когда Ширин разрыдалась на плече у своего «благодетеля», обвиняя всех и вся и грозясь покончить с собой, Майкл успокоил ее, пообещав познакомить со своим приятелем.

– Кто он? – всхлипывая, спросила турчанка.

– Овдовевший военный атташе Турции в Москве, который сейчас находится в Стамбуле и подыскивает себе жену, чтобы увезти с собой в Россию...

Разумеется, американец умолчал о том, что жених смертельно болен и жить ему осталось даже не годы – месяцы. Спасти его могла только операция по трансплантации пече-

ни, но стоила она более полумиллиона долларов – сумма, которой у турка не было и в обозримом будущем взять ее было неоткуда...

Последнее обстоятельство вполне устраивало цэрэушника, так как после смерти турецкого военного атташе он был уверен, что вправе рассчитывать на исчерпывающее использование всего потенциала «Джоконды», как в разведывательном, так и в интимном плане.

– Да, Майкл, это выход! – вытирая ладонями мокрое от слез лицо, воскликнула турчанка. – Выйдя замуж и уехав в Россию, если, конечно, это удастся сделать, я наконец, избавлюсь от моих преследователей и позора... Слава Аллаху, Майкл, он послал тебя мне в помощь!

Часть вторая. Непредсказуемы ипостаси людские

Глава первая. Быть «Шехерезадой» – хорошо, а «Джокондой» – плохо!

Офицеры-вербовщики стамбульской резидентуры КГБ, имея на Ширин свои ведомственные виды, скрупулезно отслеживали все перипетии ее судьбы. Но Советский Союз вдруг распался, превратившись из супердержавы в просто Россию, и всем тем, кто намеревался сделать из скандально известной турчанки «Мату Хари советского разлива», стало совсем не до нее. И дело вербовочной разработки Ширин под кодовым названием «Шехерезада» вскоре оказалось на полках архива КГБ.

* * *

Свадьбу отпраздновали в Стамбуле, и Ширин вместе с мужем – объектом оперативной разработки «Янычар» – прибыла на работу в Россию. Туда же последовал и Майкл Селлерс, ее благодетель по должности, который теперь сидел «под ко-

рягой» – действовал под прикрытием – второго секретаря посольства США в Москве.

Нашей контрразведке потребовалось немного времени, чтобы выявить конспиративные встречи Селлерса с турчанкой. Удалось также установить, что она тщательно скрывает от мужа свою связь с американским разведчиком. Дело «Шехерезады» немедленно извлекли из архива, изменив вектор прежней разработки: из кандидата на вербовку ее перевели в разряд подозреваемых в шпионаже в пользу США.

Сложилась парадоксальная ситуация: военный атташе посольства Турции в Москве, который был известен своими пантурскими притязаниями, переходившими в откровенно антиамериканские, разрабатывался нашей контрразведкой с целью привлечения к секретному сотрудничеству, в то время как его жена находилась под наблюдением по подозрению в проведении разведывательных акций в интересах США!

Задача Отдельной службы, которую возглавил генерал-майор Казаченко, состояла в том, чтобы разобраться, возможно ли привлечь «Янычара» для работы в пользу России в качестве секретного источника информации, и какова истинная суть конспиративных контактов «Шехерезады» с цэрэушником Селлерсом. Вдруг да они просто любовники, ведь ее муж – сексуальный банкрот? Если же этот посыл не найдет подтверждения, и американец выступает в роли оператора-«кукловода» турчанки, то возможна ли ее перевербовка?

«А почему бы не попробовать сделать из турчанки двойного агента, сыграв на ее происхождении? – не раз задавался вопросом Казаченко. – Ведь известно, что турецкий военный атташе в кругу ближайших соратников любит повторять: „Турция не слепец, бредущий за богатым поводырем, Соединенными Штатами. У нас в Азии есть свои, чисто турецкие интересы!“

Россия – это *евразийская* страна, – продолжал развивать свою идею новоиспеченный генерал Казаченко, – а если, переставив акценты, преподнести турчанке Россию *азиатско-европейской* державой, да еще и процитировать ее мужа, неужели и тогда „Шехерезада“ устоит и отклонит наше предложение о негласном сотрудничестве?! Нет-нет, что-то здесь не так... Что же именно? А то, что военный атташе не имеет абсолютно никакого влияния на свою жену! Ведь об этом доносят все агенты, работающие по супругам. Что же делать? А просто: надо дать полную свободу действий „Константинову“! Именно он сможет крепко „зацепить“ турчанку, недаром же генерал Козлов называл его „лучшим Казановой комитетского агентурного аппарата“! В общем, вперед и с песней, Олег Юрьевич!»

Глава вторая. Приказано совратить

Аромат жареного мяса заполнил салон «Волги», как только сторож суетливо открыл ворота и машина въехала на ухоженную лужайку перед роскошной дачей.

– Какая красота! – воскликнула Ширин. – Твой приятель – военно-морской министр? Это не дача – это вилла, достойная какого-нибудь миллиардера, где-нибудь на Багамах, а не в Подмосковье!

– Нет, это всего лишь дача зятя командующего ВМФ России, – криво улыбнулся «Константинов». – Дай нам Бог, когда-нибудь побывать на дачах, где живут слуги народа – Ельцин, Хасбулатов, Гавриил Попов... Вот у них – виллы, а не дачи!

– Аристотель, я еще плохо знаю русский язык, а что такое «слуги народа»?

– Деточка, это все те, кто дни и ночи напролет только и делают, что пекутся о благе народа, другими словами, это наш президент, наше правительство и все высшая чиновничья рать, которых, как мне думается, 90 % жителей России попросту задушили бы в своих объятиях. Вот такая у нас любовь к нашим слугам народа... Ясно?

– Да, конечно... А скажи, Аристотель, твой друг – это тот, который ворует секреты НАТО? – Ширин лукаво взглянула на «Константинова».

– Нет, ворую секреты я, а он пишет об этом отчеты. Я – разведчик, а не бюрократ. Мое дело – добыть информацию, а бумаги пусть пишут другие... Позволь, я сниму китель – очень уж жарко!

– Так ты – шпион, Аристотель?

– Ширин, давай договоримся, что во внеслужебной обстановке я не Аристотель, а просто Ари. Тем более для тебя!

Агент, следуя линии поведения, отработанной ему генералом Казаченко, уклонился от прямого ответа. Сделал так, как советовал поступить его наставник: «да» и «нет» не говорить, «черное» и «белое» не называть! Сработало.

На ум пришли слова, произнесенные генералом Казаченко во время последнего инструктажа:

«Вообще, Аристотель Константинович, жизнь, которую мы ведем, заставляет нас многое скрывать. Поэтому надо стараться говорить как можно больше правды или, еще лучше, не говорить *ничего*. Присмотрись, и ты заметишь, что твои собеседники не очень-то интересуются твоим мнением или тем, что ты им хочешь рассказать, а предпочитают рассуждать сами. Им нравится, когда их внимательно слушают, а ты лишь ограничиваешься поощрительными замечаниями или уточняющими вопросами. Они уйдут с убеждением, что ты – прекрасный собеседник, разделяющий их взгляды, хотя на самом деле ты вообще не высказывался, а лишь внимательно слушал. Это приносит успех.

Совсем по-другому надо вести себя с человеком, о кото-

ром тебе известно, что он намерен „прокачать“ тебя. Полагаю, что в лице Ширин ты столкнешься именно с таким человеком... Мне кажется, что оптимальным вариантом было бы заинтриговать ее, напустить туману вокруг того, чем ты занимаешься в Главном штабе ВМФ России. Выжидая, фиксируй интерес иностранки к специфике твоей профессии. При этом постарайся не выражать своей обеспокоенности по поводу ее целенаправленного любопытства и попыток что-либо разузнать не пресекай. Чаше ссылайся на своих коллег, которые якобы лучше осведомлены в тех вопросах, на которые иностранка потребует ответов. Время от времени прояви простодушие, предложи познакомить ее с этими осведомленными коллегами-друзьями, но при этом чуть-чуть приревнуй... Или отшутись, но каждый раз оставляй ей шанс. Пусть она винит *себя* в том, что не смогла в правильной редакции поставить вопрос. Словом, тебе надо сыграть в игру: *да и нет* не говорить, *черное и белое* не называть. Мне кажется, было бы правильно перенести на более поздний период обсуждение любых тем, относящихся к твоей служебной деятельности. О них можно поговорить, ну, скажем, во время приема в посольстве, на который ты приглашен.

Думаю, не следует задавать собеседнице встречных вопросов, касающихся ее работы в посольстве. Ты влюблен, она тебя интересуется как женщина, а не как должностное лицо».

– Ари, ты не ответил на мой вопрос! – настаивала турчан-

ка.

– Почему же, ведь я сказал, что ворую секреты, значит, я – шпион...

– А твой приятель? Он тоже шпион?

– Скорее нет. Он аналитик, пишущий отчеты о том, как твой Ари ловко крадет секреты. Мой приятель преуспел в этом деле и даже возвысился. У него бойкое перо, а у меня – всего лишь оперативный дар. Но работать с ним в тандеме – одно удовольствие!

– Разве ты, Ари, не понимаешь, что он эксплуатирует тебя: ты таскаешь ему каштаны из огня, а он только и делает, что составляет отчеты. Пишет о том, что сделано тобою, а не вами! Разве это справедливо?

– Но награды все-таки получаю я...

– Да, я заметила, у тебя даже есть боевые ордена... Интересно, за какие бои?

– За те сражения, что я вел на даче моего приятеля с очаровательными иностранками, ворую у них посольские секреты! Дорогая, тебе не кажется, что мы заболтались? Пора тебе узнать, каким искусством жарить шашлыки владеет сторож.

«Константинов» взял турчанку за талию и увлек к мангалу, где жарилось мясо.

Про себя же подумал:

«Черт подери, не слишком ли прямолинейно, девочка, ты начала „прокачивать“ офицера Генерального штаба, коим я для тебя являюсь?!»

На лужайке, рядом с мангалом, был врыт в землю длинный дубовый стол, на котором громоздились закуски и целая батарея бутылок со спиртным.

– Ари, – вдруг закричала Ширин так громко, что агент от неожиданности вздрогнул, – мы забыли цветы!! Здесь не хватает роз!!

«Константинов» махнул рукой, и сторож, сгибаясь под тяжестью ноши, приволок охапку белых роз к столу.

– Клади прямо на стол! – приказал агент сторожу, хотя догадывался, что этот рослый детина, судя по возрасту, как минимум в звании майора.

Начали с шампанского. Ширин бросила в бокал с вином лепестки роз.

– Уезжая из Парижа, я бросила горсть монет в Сену с одного ритуального моста, чтобы вновь туда вернуться. Лепестки – это тоже монеты. Может быть, когда-нибудь мне доведется вернуться в море роз...

«Жаль, если не со мной», – с грустью подумал «Константинов».

...Прогулочный катер уже с другим рослым майором у штурвала летел по Москва-реке, играя фейерверком брызг на хвосте. Мимо проносились идиллические берега с сосновыми лесами, уютными полянами, густо заросшими цветущими ромашками. Красота – ни одной живой души вокруг!

«Константинов» и Ширин, обнявшись, стояли на палубе. Он исступленно целовал ее лицо, губы, шею, открытую впа-

дину груди. Волосы турчанки вились по ветру, окутывали его лицо. В какой-то момент, не выдержав испытания искушением обладать этим огнедышащим телом, агент приподнял Ширин от пола, и, держа на весу, сбежал по ступеням в каюту.

Никогда не знаешь, что в голове у женщины, хотя порой бывает и видно, чего она хочет и чего нет, чего боится и до какой степени подпустит к себе. Но никогда нельзя заставлять женщину делать что-либо вопреки ее желанию.

Аристотель рискнул и положил свою руку турчанке на грудь. Удивительное дело! Ширин не отстранила руки, наоборот, всем телом легла на ладонь. Волшебное ощущение! Но сомнения у агента оставались. Женщина, тем более такой редкой красоты, должна же посопротивляться, хоть для порядка. Ведь они едва-едва знакомы...

– Давай разденемся, – продолжил атаку «Константинов».

Она молча сдернула блузку на ковер, до подмышек подняла подол широкой юбки, с остервенением рванула ажурные трусики, явив на свет божий две молочного-белые ляжки, скрепленные наверху черным треугольником, и с едва заметной улыбкой застыла посреди комнаты.

– О, Господи, какая же ты красивая! Как пахнет от тебя чистотой весеннего дождя, горьким медом и... розами!

Аристотель шагнул к Ширин, прижал к себе и ощутил под пальцами упругую бархатную грудь, которая казалась ему огромным персиком.

– Чему ты смеешься? – прошептала она.

– Я счастлив, – еле шевельнулись его губы. Подняв женщину на руки, он тут же опрокинул ее на ковер. Крепко держась за его шею, она прошептала:

– Не здесь, не здесь... Не сейчас!..

Аристотель, вмиг захмелевший от предвкушения близости, упрямо мотал головой – только здесь, только здесь, немедленно!

Как в бреду говорили они – быстро, яростно, смятенно, – и весь их горячий разговор был просто криком – его оголтелым и торжествующим «ДА!» и ее отчаянным и бессильным «НЕТ!»

С истерической слезой в горле она бормотала, уговаривала подождать, только не сейчас, потом, лучше потом, но сейчас не надо, это ужасно – ведь знакомы они всего лишь второй день, это ужасно, ей стыдно, у нее ни с кем такого не было, она ему верит, но они же не скоты, не животные...

«Константинов» в каком-то сомнамбулическом приступе продолжал раскладывать ее между обжигающе холодными ведерцами с шампанским, трясущимися руками скользил по упругому шелку ее бедер, пока его ладонь не вобрала в себя горячий бутон ее лона. Наконец, похоть и приключенческий задор победили последние крупинцы разума в ней, и она уступила. До хруста прижав женщину к себе, Аристотель присел немного, а ее вздернул на себя.

Она коротко вскрикнула и обмякла, отдавшись во власть

его безумного порыва. Белые лучи вздыбившихся ног турчанки, черный мохнатый тюльпан ее естества сводили Аристотеля с ума, рвали на куски его воспаленное воображение...

Ее губы были закушены, а в уголках глаз метались бесовские искорки. И когда он вошел в нее, она зажмурилась, сладко и глухо замычала.

«Врет, ведь все врёт! Не надо сейчас, мне стыдно, у меня ни с кем такого еще не было... А в Париже? Тоже ни с кем и ничего не было?!» – мелькнула у Аристотеля мысль и тут же погасла кометой, потому что он почувствовал, как мука наслаждения перетекает из ее чресел в него, и водоворот нечеловеческой страсти отключил сознание.

Фантастический загул начался. Время остановилось за порогом каюты, там, на палубе, а может быть, на Страстном бульваре?

Сексуальным атакам, казалось, не будет конца. Наконец, обоюдная страсть достигла апогея, и «Константинов» почувствовал, как женское тело забилося в последних счастливых конвульсиях обладания. Тела их замерли. Ширин, больно вцепившись Аристотелю в грудь, испытующе наблюдала за ним, вперила взгляд в его зрачки. Он приподнялся над ней и совершенно неожиданно для самого себя громко рассмеялся.

- Ари, что происходит? – забеспокоилась женщина.
- Ширин, тебе сколько лет?

– Двадцать семь... А что?

– Нет-нет, ничего... Ты сумела мне вернуть мои двадцать семь. Безумие какое-то... Подумать только, десятки женщин пролетают в твоей жизни, как снежинки во время метели, как вдруг – стоп машина! Ты нашел то, что искал всю жизнь...

Аристотель испытывал счастье и боль одновременно, глядя на это щедрое молодое тело, преисполненное неги, готовое к пылкой отдаче, эти влекущие глаза, одинаково хитрющие и доверчивые. Он думал о том, что между ними дистанция в полтора десятилетия и... генерал Казаченко. А так хочется продлить эти мгновения яростного первобытного блаженства, когда это тело, разгоняемое тобою, мычит и сладко воеет, а ты нутром чувствуешь, что забавы с ним никогда не приедаются и не внушают усталости, потому как, не успев закончить первый заезд, ты уже вновь готов продолжить эту лютую скачку!

«Вот и попробуй изложить это генералу Казаченко в отчете о проведенном мероприятии! Да разве я сумею описать это? Да разве он сумеет понять?! Странно, – вдруг пришло в голову „Константинову“, – а девочка что? Уже никуда не торопится?»

Будто подслушав его мысли, Ширин обеспокоенно спросила:

– Ари, который час? Боюсь, что меня уже ищут в посольстве!

– Я сейчас вызову из Генерального штаба вертолет, и он тебя доставит прямо в кабинет посла. Только, чур, не одеваться!

...Поднявшись на палубу катера, «Константинов» приказал штурвальному возвращаться. На подходе к берегу агент, стоя у самой кромки палубы, в порыве страсти вновь подхватил Ширин на руки. Как-то так получилось, что в этот момент катер заложил такой крутой вираж, что мужчина и женщина, как снопы, рухнули за борт. В ту же секунду вслед им полетели два спасательных круга, а лжебоцман, спокойно вытащив из кармана широченных морских клешей какой-то черный пластмассовый предмет размером со спичечный коробок, поднес его к ручке дамской сумочки, с которой турчанка не расставалась ни на минуту. Коробок жалобно запищал. В следующую секунду из другого кармана клешей был извлечен еще один черный коробочек. Прикоснувшись к ручке, он едва слышно зажужжал.

Лжебоцман удовлетворенно крикнул:

«Ну вот, диктофон теперь будет молчать, как Герасим... А щас посмотрим, как там наши Муму, чай, не утонули еще?»

На берегу «Константинов» рассмешил перепуганную турчанку, рассказав, что именно за такие приключения он получил все свои боевые награды.

...Устранением записи беседы, которую «Шехерезада» должна была доставить своему оператору, Казаченко подталкивал Селлера сделать еще одну попытку «прокачать» на-

чальника отдела Главного штаба ВМФ России, коим для американца являлся «Константинов». Цель: выяснить направление разведывательных устремлений американца.

Глава третья. Грезы «Шехерезады»

В ночь после свидания на даче Ширин долго не могла уснуть. Уже Ахмед-паша, отложив на прикроватную тумбочку томик стихов Махмуда Абдул Баки, пожелал ей спокойной ночи и выключил свой ночник, а она продолжала жадно курить, неотрывно глядя в потолок.

С нежностью турчанка перебирала в памяти гербарий прошедшего дня – свежие лепестки воспоминаний о часах общения с Аристотелем. За годы, проведенные в Париже, она сменила множество постелей, и лица наиболее выдающихся партнеров и любовников порой продолжали стоять у нее перед глазами, но теперь их напрочь вытеснил образ боевого морского офицера...

Всякая женщина, даже не отягощенная таким богатым сексуальным опытом и не наделенная такой ослепительной красотой, как Ширин, хранит в сердце сказку о Принце, который вот-вот придет, но почему-то всегда опаздывает на целые годы. И вот он наконец предстал перед ней в облике Аристотеля...

«Удивительное дело! – размышляла турчанка, раскуривая очередную сигарету. – Я впервые встречаю человека, мужчину с такой разноречивой духовной палитрой.

Ари, ты – усталый циник, *selfmademan*, – человек, без чужой помощи пробившийся в жизни, – с оттенком грусти со-

общающий о своей профессии разведчика, и вместе с тем ты – поэт, романтик, иначе как можно расценить преподнесенный тобой стог цветов и все, что было затем!

По твоему поведению чувствуется, что хотя ты и избалован вниманием красивых женщин и обладаешь какой-то сатанинской гордостью, но при этом тебе удалось сохранить некое мальчишеское очарование. В твоих оливковых глазах и наивная чувственность девственника, и жесткость, даже жестокость хищника... При всей моей настойчивости ты не ответил всерьез ни на один из моих вопросов, сумел все перевести в шутку и уйти от прямого ответа. Ничего не скажешь – разведчик!

И все-таки твое истинно мужское начало, твой крепко взнузданный половой инстинкт, обаяние, такт и внутренняя грация производят неизгладимое впечатление... Когда ты улыбаешься, твое лицо озаряется каким-то детским мечтательным сиянием, тебя сразу хочется притянуть к себе и отдаться тебе без остатка!

Странное дело, я, искушенная во всех премудростях флирта, растерялась, как девочка, под твоим пронзительным взглядом, я потеряла уверенность в себе, я готова была поступиться своим самолюбием, лишь бы подольше быть с тобой, мой милый Принц, так неожиданно появившийся из генштабовской „Волги“!

Рядом с тобой, Ари, чистокровный ты мой скакун, я вижу своих прежних партнеров всего лишь выучными мулами.

Сразу видно, что ты не медяшка, а чистое золото! Твоя плоть источает аромат расы патрициев и превосходство над окружающими и даже... над всем моим прошлым!

Словом, по всем физиологическим и интеллектуальным параметрам мы подходим друг другу, Ари! Люблю мужчин с кипучей энергией, мечтающих перекроить мир на собственный лад. Мне нравятся люди с огромными амбициями, с ними не соскучишься. Ты показался мне человеком действия с хваткой бульдога. Ты хорошо изучил женщин, умеешь найти правильную ноту в разговоре с ними, склонить их к исполнению твоих желаний. Но, несмотря на это, я вижу, я чувствую, что ты уже немножко в меня влюблен. Да и я сама, по-моему, тоже...

Даже если отбросить непреложную истину, что никакая женщина не откажет мужчине, если видит в его глазах огонь любви, пусть даже он – настоящий Квазимодо, но ты ведь не такой, ты красив, как языческий бог! Так вот, в тебе есть еще две черты, импонирующие женщинам – авантюризм и самоуверенность. Наверно, они – твои чисто профессиональные качества. Как бы там ни было, слабый пол любит опираться на мужчин, которые знают, чего хотят, и, не обременяя себя сомнениями, напролом идут вперед. Я терпеть не могла богатых слюнявев с собачьими глазами, которых раздирал внутренний вопрос: поцеловать сейчас или потом, при всем том, что за мои ласки они уже заплатили Бофису. Ты делаешь все правильно. Если любовь – это сражение, так атакуй

же... И ты атакуешь, да еще как! Ты мне подарил незабываемый праздник, нет – фестиваль, ничего подобного у меня в жизни не было. Я хотела бы провести с тобой еще не одну ночь, и чтобы Небу стало жарко, а Шайтану завидно!»

* * *

Ахмед-паша громко захрапел во сне. Не в силах делить свои размышления с внушающим отвращение мужем, Ширин с омерзением выпрыгнула из постели, накинула пеньюар и, роняя на ковер пепел с зажженной сигареты, бросилась вон из спальни.

...Во сне она плакала, видя себя больной и бедной, странствующей в обносках по ухабистой дороге в поисках давно утраченного счастья. Иногда на ее пути встречались бело-мраморные дворцы, в которых осенний ветер клубил пожелтевшие листья под какой-то странный могильный мотив.

Она бродила по огромным пустым залам и всякий раз подходила к маленькой закрытой изнутри двери. От ее осторожного толчка дверь открывалась, скрипя давно несмазанными петлями. Перед нею открывалась небольшая уютная комната, из угла которой языками пламени ей подмигивал камин. Туда не доносился холодный ветер из дворца. За столом сидел Аристотель и на калькуляторе подсчитывал секреты, похищенные у НАТО.

Увидев Ширин, он вскакивал, бросал ручку, подбегал к

женщине и нежно ее обнимал. В комнату каждый раз входил еще кто-то, но турчанка всегда боялась оглянуться, буд-то зная, *кто* стоит за спиной. Однако грек брал ее за плечи и поворачивал к двери. На пороге стоял Майкл Селлерс, очень серьезно смотрел на них и загадочно улыбался.

«Познакомься, – говорил Аристотель, – это мой коллега и соперник».

Лицо Ширин после этих слов становилось мокрым от слез, она выбегала из комнатушки, мчалась по мертвым залам в надежде найти выход. Безуспешно! Всякий раз ее путь превращался в кольцо, а она с все большей настойчивостью пыталась вернуться к той маленькой комнате, но никак не могла ее отыскать...

...Утром Ахмед-паша обнаружил жену спящей на кожаном диване в гостиной. Первым его желанием было перенести ее в спальню, но вдруг он почувствовал резкую боль в правом боку и отказался от своего намерения.

Ширин спала, по-детски беззащитно раскинув руки. Залюбовавшись молодым телом, военный атташе забыл о приступе боли, затем вдруг вспомнил, что еще месяц назад он даже насильно не мог бы выпроводить супругу из своей постели, так они были счастливы, познавая и наслаждаясь друг другом.

«Что делают с нами болезни! Слова врача обретают пророческий смысл... Моя Ширин уже сделала шаг в сторону от меня, она уже не хочет со мной спать. Ну что ж, на все

воля Аллаха!»

За завтраком Ахмед-паша, сосредоточенно помешивая в чашке кофе, как бы невзначай, вкрадчиво произнес:

– Дорогая, если со мной что-то случится, знай, что половина тех денег, что идут на мой счет в банк «Crédit Lyonnais» от нашего совместного предприятия с дядей Гаджи, принадлежит тебе. Необходимое распоряжение я уже сделал...

– Спасибо, дорогой Ахмед-паша. Но я думаю, что вы опережаете события! – ответила женщина, не поднимая головы от чашки кофе.

Турок, пристально глядя на жену, добавил:

– Кстати, почему ты вчера не пришла к ужину?

Подняв голову, Ширин в упор посмотрела на мужа.

– У меня спустило колесо, когда я собиралась отъехать от портнихи. И если бы не офицер Главного штаба ВМФ России...

Тут она намеренно сделала паузу, заметив заинтересованность во взгляде мужа, на которую и был сделан расчет. Затем как ни в чем не бывало Ширин скороговоркой добавила:

– Да-да, я пригласила его на завтрашний прием, который вы устраиваете... В общем, Ахмед-паша, вы не должны думать, что... Словом, о вашей карьере я пекусь не менее вашего!

– Приятно слышать... Кстати, я сделал заявку на поездку в Новороссийск. Там опять отмечена активность русских кораблей.

– Когда вы уезжаете?

– Это зависит, как ты понимаешь, дорогая, от российского МИД. Думаю, что на этой неделе все решится. Что представляет собой этот офицер?

– По-моему, он один из тех, кто вас интересуется. Персональное авто, полная грудь орденов, относительно молод. Более того, он не славянин!

– Кто же?

– Грек... Аристотель Александриди.

– Ты делаешь успехи, дорогая, спасибо!

Из-за стола супруги поднялись в полном согласии. Равновесие удалось сохранить путем взаимных уступок и маневров...

Глава четвертая. Откровения на явочной квартире

– Птичка в клетке! – выпалил «Константинов», едва переступив порог явочной квартиры.

Встретив снисходительный взгляд Казаченко, добавил:

– Откровенно говоря, этот ваш майор у штурвала испортил мне мундир, а Ширин, барахтаясь в воде, потеряла золотую серьгу. Надо же было заложить такой вираж у самого берега! Он что, приревновал меня к турчанке или это было предусмотрено вашим сценарием?

«Константинов», от которого генерал Козлов ничего не скрывал, обсуждая на равных, как с оперативным сотрудником, его роль в предстоящем мероприятии, недоверчиво посмотрел на своего нового оператора.

– Я надеюсь, Аристотель Константинович, ты объяснил турчанке, что золотая серьга в Москве-реке – то же самое, что горсть монет в Сене? Готова она вернуться на дачу? – Казаченко в шутовском тоне попытался переключить внимание агента, заставив его отвечать на свой вопрос.

– Боюсь сглазить, Олег Юрьевич, но, думаю, она уже по уши в меня влюблена...

– Так уж сразу и влюблена! Это с ее-то опытом общения с мужчинами... Знает ли она вообще, что такое любовь?

– Олег Юрьевич, достаточно того, что я знаю, как выгля-

дит влюбившаяся в меня женщина... Поведение Ширин у меня сомнений не вызывает – влюблена! Знаете, умные люди говорят, что любовь – сродни беременности. Трудно утаить. Еще труднее симулировать...

– Аристотель Константинович, а ты не допускаешь мысли, что она такая же актриса по жизни, как и ты? Психологи, к примеру, утверждают, что мы всегда должны иметь в виду возможность быть обманутыми. Логика проста: если ты пытался кого-то обмануть и твой обман удавался, то теоретически ты не должен исключать того, что и с тобой могут проделать то же самое, то есть провести, переиграть, обмануть. Как считаешь?

– Но она же билась в конвульсиях не теоретического, а физиологического оргазма... Ладно бы только это, но ведь есть еще и глаза, там же море любви. Нет-нет, меня в этом не проведешь!

– Имея такой богатый эротический опыт, актриса вроде нашей «Шехерезады» может с успехом изобразить не только наступление оргазма, но и любовь во взгляде...

В голосе Казаченко агенту послышались нравоучительные нотки. Он медленно забросил ногу на ногу, раскурил сигарету и отрешенно смотрел на носок лакированного башмака, на котором играл солнечный зайчик, неведь как пробившийся сквозь наглухо задернутые шторы.

«Тебе ли меня учить, генерал, где разыгранный по сценарию пароксизм страсти, а где настоящие чувства? Знаешь ли

ты вообще, какая разница между забойным сексом и настоящей любовью? Вот уж действительно: всегда найдутся эскимосы, которые разработают для жителей Африки инструкцию, как вести себя в условиях жары. Впрочем, невозможно объяснить аромат шашлыка человеку, который годами жевал шнурки от собственных башмаков... Не учи орла летать и не занимайся соплежуйством, генерал, послушай лучше, что тебе говорит мастак по части любви и секса, и хорошенько усвой сегодняшний мастер-класс!» – закончил свой внутренний монолог агент.

Уняв волну внутреннего протеста, «Константинов» заставил себя улыбнуться и, чеканя каждое слово, произнес:

– Олег Юрьевич, разыграть ту бурю страстей и то наслаждение, в которых я едва не захлебнулся, невозможно, как невозможно хмелеть по памяти... Стонами и подвыванием во время совокупления еще можно ввести партнера в заблуждение, но как можно волевым усилием заставить работать на полную мощность железы внутренней секреции? Это под силу только йогам, однако о том, что турчанка занималась йогой и поэтому владеет механизмом эмоциональной и физиологической саморегуляции, вы мне, Олег Юрьевич, ничего не говорили...

Казаченко с улыбкой выслушал доводы агента, упивающегося своим превосходством в вопросах практического секса, и примирительно произнес:

– Будем считать, что психологическую разминку мы про-

вели, пора переходить к делу. Когда следующее свидание?

– Ближайшее будет через два дня, во время приема в посольстве, затем она позвонит сама...

– Не подведет, как думаешь? Вдруг да передумает? – автоматически спросил Казаченко, про себя же подумал:

«Сумку турчанка должна отдать Селлерсу на освидетельствование, затем получить от него инструкции. Поэтому она и взяла инициативу в свои руки – позвонит сама».

– Не передумает! – коротко ответил «Константинов» и с нескрываемым сожалением посмотрел на своего наставника. – Мне показалось, что она готова встретиться со мной хоть завтра, но что-то ей мешает. Я настаивать не стал. Если уж быть откровенным до конца, Олег Юрьевич, то я абсолютно уверен, что она позвонит и примчится, *куда и когда* я скажу! Может быть, вам трудно в это поверить, но в ее глазах я видел искреннюю любовь.

Согласен, у нее было много любовников, но то была оплаченная любовь. Она в них видела не мужчин – самцов, упакованных деньгами. А тут вдруг, на тебе – снопы роз, побег из Москвы, шашлыки, шампанское. Да и морской офицер, что оказался рядом, не совсем урод. Целое романтическое приключение! Ей еще и тридцати нет, Олег Юрьевич! Что она видела последнее время? Клиентов, покупающих ее тело, да мужа-импотента? Вы знаете, когда она смотрела на снопы белых роз, у нее слезы стояли в глазах...

– Они стояли и у тебя при первой встрече, не так ли? По-

чему она *намеренно* не могла пустить слезу?

– Послушаешь вас, вроде все верно... С одной поправкой, Олег Юрьевич: я *своих* слез не скрывал, я их выставлял напоказ: смотри, мол, прекрасная незнакомка, как ты боевого офицера-орденоносца сумела вмиг околдовать! И совсем ведь по-другому вела себя она. «Шехерезада» сделала все, чтобы я не заметил ее слез. Сразу отошла, якобы запереть свой «мерс», и на заднее сиденье «Волги» села так, чтобы я не мог ее рассмотреть в зеркало. Да что там говорить... Не надо быть психологом, чтобы поставить ей диагноз: влюблена! Но вместе с тем надо признать: держит она себя, то есть свои чувства, в узде. Поэтому я с полным основанием могу утверждать, что на катере она испытала не просто удовольствие, но настоящее наслаждение. А женщина, впервые вступающая в интимный контакт с мужчиной, которого она не любит, вряд ли выкажет такую бурю эмоций, какую она продемонстрировала мне.

– Кстати, Аристотель Константинович, – перебил Казаченко агента, – ты сам-то как, не влюбился ли случайно в «Шехерезаду»?

Греку показалось, что он услышал в голосе Казаченко инквизиторские нотки.

– А как же без этого роль сыграть, Олег Юрьевич? – запротестовал «Константинов». – Я *обязан* себя в нее влюбить, иначе она моментально фальшь почувствует. «Восток – дело тонкое», – говаривал герой известного фильма...

– Твоими бы устами, Аристотель Константинович, да мед пить. – Казаченко одобрительно кивнул головой. – В общем так. Во время приема, когда будешь общаться с турецким военным атташе, между прочим, «Шехерезада» выступает в роли его переводчицы, потому как в русском ее муж слабоват, тебе надо будет невзначай обмолвиться: надоело, мол, ездить в командировки в Новороссийск... Туркам уже известно, что нам не удастся договориться с Украиной по Севастополю, и нам рано или поздно оттуда придется уходить. Твое упоминание о командировке в Новороссийск будет для них еще одним подтверждением прогнозов аналитиков из натовских штабов, что главную военно-морскую базу мы намерены перенести не в Туапсе, а в Новороссийск... Секрет Полишинеля, но, получив от тебя эту информацию, которая в ближайшем будущем найдет официальное подтверждение, турок, а заодно с ним и Селлерс станут тебе доверять...

– А не примут ли они меня за простофилю, который безалаберно разбрасывается сведениями, которые хотя и временно, но все же составляют государственную и военную тайну? Не потеряют ли они вслед за этим интерес ко мне?

– Резонно, но, на мой взгляд, они, скорее всего, решат, что и в будущем от тебя так же легко можно будет получать информацию, не тратя ни времени, ни усилий на «прокачку» какого-нибудь тугодума... К слову, турок подал заявку в наш МИД на очередную поездку в Новороссийск. Черт его знает, что ему там нужно! Четвертый раз за последние три месяца

туда едет...

Секунду подумав, генерал решительно произнес:

– Сделаем так: ты скажешь, что едешь туда через две недели, а ему мы «зеленый свет» включим прямо завтра. Это нужно, чтобы он тебе там свидание не назначил, идет?

– Значит, свидания ждут меня здесь. – «Константинов» мечтательно закатил глаза. – Придется мне ее к себе домой пригласить, как считаете, Олег Юрьевич?

– Да, пожалуй... Но только не к себе, а на дачу. Скажем, в Горьковском направлении, оно по-прежнему закрыто для иностранцев. На трассе вас остановит ГАИ, то да се, предъявите документы... «Шехерезада» вынуждена будет предъявить свою аккредитационную карточку. – Ага, нарушаете, значит! Протокол, подпись, печать – все, как положено...

– И тогда прощай свидание!

– Нет-нет, это мы организуем на вашем обратном пути. А вот вслед за этим, чтобы снять стресс, ты и пригласишь ее к себе домой! Там уж она себя сдерживать не будет, даст волю своим чувствам, поверь! Вот тут-то ты и успокоишь ее, пообещав познакомить со своим приятелем-дипломатом...

– Зачем?

– Как зачем? Протокол должен пройти через МИД, а приятель твой имеет возможность притормозить направление ноты в турецкое посольство, потому как занимает весомое положение в ведомстве. Думаю, турчанка не упустит такой возможности. Не захочет же она, во-первых, светиться как

нарушитель дипломатического протокола, а во-вторых, подставлять своего мужа, когда он ждет присвоения генеральского звания... У себя дома ты ее хорошенько «прокачаешь», спросишь, где, мол, ты сможешь найти атташе в Новороссийске, да зачем он туда ездит... Как она, кстати, пьет?

– Нормально... Не по-мусульмански... Можно вопрос, Олег Юрьевич?

– Без проблем!

– Вы будете выступать в роли приятеля из МИД?

– Не будем торопить события, вполне может быть, что я. У меня свое начальство есть, пусть оно и решает! Но окончательное решение этого вопроса полностью будет зависеть от тебя...

– То есть?

– Как ты сумеешь «прокачать» турчанку и узнать, зачем ее муж посещает Новороссийск. Поясню. За последние три месяца в том районе никакие военно-морские учения не проводились, раз. Наши новые корабли там не появлялись, два. И тем не менее Ахмед-паша постоянно туда стремится. Мы предположили сначала, что ездит он туда, чтобы активизировать работу турецкой агентурной сети, но, увы, и эта версия оказалась тупиковой. Вся их агентура, проживавшая на побережье, с развалом Союза предпочла выехать в Грецию и Турцию, чтобы там спокойно тратить заработанные в страхе деньги. Тогда мы пошли другим путем. Ежедневно из Управления ФСБ по Краснодарскому краю получаем свод-

ку всех судов, зафрахтованных военным атташе. И опять ничего! Изменений не прослеживается даже в ассортименте грузооборота. По нарастающей идет отправка в Турцию судов, груженных, чем бы ты думал? Многотонными станками-монстрами, коими затоварены все склады Краснодарского станкостроительного завода имени Седина, потому что потребности в их применении на внутреннем рынке нет, а за границей и подавно – устарели морально и технологически! Причем каждый раз, как пять-семь пароходов со станками должны отправиться в Стамбул, в Новороссийск прибывает «Янычар». Но работяги и администрация завода довольны. Еще бы! Появилась возможность избавиться от неликвидного товара, да и валюта в кассу предприятия идет бесперебойно. Хотя какая там валюта! Смех один – за двадцати-, сорокатонный станок Ахмед-паша платит 100–150 долларов. В общем, кошкины слезы, а не суммы...

– А кто получатель груза?

– Они установлены. Схема такова: армяно-турецкие совместные предприятия «Дустр», «Ахтамар» и «Гаяне» заключили контракты на закупку станков и на производство фурнитуры, то есть деревянной обшивки, которая производится в Красноярском крае. Мы проверили их через возможности внешней разведки – результат нулевой. Они посредники, согласно документам продающие станки крупным стамбульским заводам. С ними, с совместными предприятиями, все ясно. Какие вопросы у нас, у контрразведки могут быть к

ним? Ну, занимаются люди коммерцией – так и Бог им в помощь! Но, с другой стороны, настораживают объемы потребляемых, но, подчеркиваю, устаревших станков, ведь из закупленного Ахмед-пашой оборудования можно сегодня уже построить... новую Великую китайскую стену из железа! Но, самое главное, непонятна тяга военного атташе к этим бронбойным караванам. Уж не бизнесом ли «Янычар» занялся от безысходности? Известно, что его проблемы со здоровьем могут быть устранены только с помощью трансплантации печени. Операция стоит более полумиллиона долларов. Неужели из никому не нужных станков можно сделать такие деньги? Впрочем, закупаемое Ахмед-пашой оборудование как высококачественный металлолом хотя и стоит прилично, но, чтобы собрать полмиллиона долларов, потребуются не один год, а у него каждый день на счету...

Вот его предшественник делал деньги на коврах, которые партиями закупал в Ташкенте, Бухаре и Самарканде, и дипломатической почтой отправлял прямиком на стамбульский базар. О-очень неплохой приработок имел этот разведчик-бизнесмен, доложу я тебе! Собственно, на этом и «спекся», отклонив наше предложение о сотрудничестве. Вылетел из Союза на ковре-самолете...

Но станки! Какие деньги может сделать на них наш бодрящийся импотент Гасан Ахмед-паша?!

– А может, заводы-потребители оборудования – всего лишь перевалочная база, «крыша», под которой прячутся о-

очень серьезные люди? – подал голос «Константинов».

– По данным закордонных источников – нет! В общем, сплошной туман...

– Олег Юрьевич, мне кажется, метод индукции и дедукции здесь не помощник. Надо идти рационально-практическим путем!

– То есть? – почувствовав подвох, насторожился Казаченко.

– Лет этак с десятков назад была у меня подружка, – «Константинов» начал неспешно плести паутину, из которой его шеф не должен был выкарабкаться, – так вот она утверждала, что двадцать процентов советских женщин, то есть каждая пятая, не носит трусы...

– Любопытно! На чем же основывалась эта статистика?

– Личный опыт... Рационально-практический метод познания окружающего мира и людей, его населяющих. Моя подружка работала продавцом обувного магазина. Ну, вы понимаете, женщины, примеряя обувь, обычно нагибаются...

– Оригинально! Какое же отношение этот рациональный метод познания действительности имеет к нам, в частности к «броневой караванам»?

Вслед за этим вопросом агент выложил на стол свой основной козырь:

– Олег Юрьевич, а я ведь турчанке по вашему совету брякнул, что через месяц мне предстоит командировка в Стамбул, помните? Может, отправите? В жизни всегда есть ме-

сто высокооплачиваемому подвигу, не так ли? – «Константинов» хитро подмигнул генералу.

– А что? Это мысль! Получишь наводку от «Шехерезады» – перышко тебе в зад – лети, голубь сизокрылый! Проверишь. Точку-то надо поставить в этой «броневой» разработке! Давай-давай! Вот тебе и стимул, чтобы хорошенько над объектом поработать... Кстати о любви, Аристотель Константинович... Прости, конечно, но я степень влюбленности оцениваю не громкостью стонов во время совокупления, как это делаешь ты, а более прозаическими материями...

– То есть?

– Ну, скажем, чистыми бланками паспортов... Попробуй! Принесет тебе турчанка чистый бланк турецкого паспорта, значит, я не прав – любит она тебя. Откажет – сам оценивай ее чувство к тебе, идет?

– По рукам, Олег Юрьевич!

– Удачи!

Глава пятая. «Константинов», «Янычар», «Шехерезада»

Благословив поход «Константинова» на прием в посольство, Казаченко настоял на том, чтобы агент в общении с «Янычаром» ненавязчиво «засветил» свое знание турецкого языка. Таким образом, у военного атташе должно было сформироваться мнение, что начальник отдела Главного штаба ВМФ Александриди курирует турецкую линию. Уж такой-то подарок судьбы объект не должен был оставить без внимания! Да и «Шехерезада» получила бы дополнительное подтверждение, что находится в контакте с офицером, представляющим бесспорный интерес не только для ее мужа, но и для Селлерса. Почему бы не устроить турку и американцу «гонки за лидером»?

Генерал Казаченко обоснованно считал, что происхождение агента – лишь подспорье его успешному вводу в разработку «Янычара». На дворе конец XX века – о каких национальных и религиозных предрассудках может идти речь для разведчика-вербовщика, коим является Ахмед-паша? Он в силу своей профессиональной принадлежности просто не может себе позволить идти на поводу конфессиональных симпатий. Да и есть ли они у него? Он ведь долго жил и учился в США. Поэтому, как бы глубоко ни засели в его сознании исламские постулаты, по долгу службы он вынужден

быть интернационалистом!

Наконец, отработанная «Константинову» линия поведения предполагала создать у турецкого разведчика иллюзию перспективы развивать контакт на нейтральной основе, для чего агент должен был заявить о своей предполагаемой поездке в Стамбул.

Словом, с какой стороны ни оценивал Казаченко участие «Константинова» в приеме, последний для турка должен был представлять несомненный интерес.

...Как только начальник отдела Главного штаба ВМФ России капитан первого ранга Александриди Аристотель Константинович переступил порог посольского особняка в Вадковском переулке и небрежно бросил на поднос камердинеру свою визитную карточку, он понял, что его прихода заинтересованно ждали. Выступивший вперед младший камердинер в красной ливрее и черной феске многозначительно произнес на чистейшем русском:

– Господин Александриди, его превосходительство военный атташе будет очень рад лично познакомиться с вами. Следуйте за мной!

Агент не спеша осмотрелся. Вокруг сплошь смуглые, желтые и иссиня-черные лица. Из европейцев, похоже, только прибалты. В морской форме никого не видно. Что ж, это радует – меньше будут докучать вопросами, значит, больше внимания можно будет уделить «Янычару».

Кондиционеры работали вполсилы – турки блюли режим

экономии, поэтому зал успел наполниться тяжелым духом арабско-индийской косметики – многих военных дипломатов сопровождали жены, – ароматом дорогого английского табака и восточных благовоний.

Ахмед-паша и Ширин приветствовали гостей недалеко от входа.

«Константинов» был обласкан с чисто восточной любезностью. Военный атташе обрушил на него целый водопад благодарностей за вызволение жены из «беды». Вопреки утверждению Казаченко, турок весьма бойко, хотя и с сильным акцентом, говорил по-русски. Ширин, прижимая обеими руками изящную сумочку к животу, буквально пожирала глазами вслушивающегося в похвалы «Константинова».

«Как это на даче я не обратил внимания, что эта сумочка не попала в воду?! И хотя ты, красавица, ни на секунду не выпускала ее из рук, сумочка почему-то осталась на палубе, когда мы с тобой нырнули в Москва-реку! Теперь понятно, что наш сальто в воду был запланирован Казаченко, – ему нужна была твоя сумочка! Пока мы барахтались в воде, „боцман“ провел с нею какие-то манипуляции... Ах, Олег Юрьевич, Олег Юрьевич! Знать бы вам, какие наставления я в свое время получил от незабвенного генерала Козлова, вы не стали бы использовать меня „втемную“ – делаем-то общее дело...

Леонид Иосифович не раз говорил мне, что КГБ – организация, основанная на взаимном доверии, где во взаимо-

отношениях между кадровыми офицерами и их негласными помощниками существует неписаный закон – „презумпция лояльности организации“, ее общим целям и друг другу. А вы, Олег Юрьевич, чем сможете объяснить ваш поступок? Или „Константинов“ для вас – всего лишь поденщик, таскающий из огня каштаны?!»

Агент попытался себя успокоить, вспомнив слова генерала Козлова:

«Контрразведывательная операция – это конвейер, на котором каждый из участников должен досконально знать свой маневр и нести персональную ответственность только за него».

От нахлынувших мыслей «Константинову» стало немного не по себе, что сразу заметил наблюдавший за ним военный атташе, который смятение гостя принял на свой счет. Тут же он поспешил переключить внимание гостя.

– Господин капитан первого ранга, мы будем очень рады, если однажды на уик-энд вы приедете к нам в Стамбул. Мы живем в европейской части города, район Каракей, улица Бесиктас, дом 7. Совсем рядом с дворцом... Так что милости просим!

– Этот вопрос, ваше превосходительство, уже решен моим начальством... Я отправляюсь в Стамбул, как только закончу все дела в Новороссийске...

– Вот как! Я тоже намерен посетить этот порт в ближайшее время... А вам часто приходится там бывать?

– За последние три месяца я оттуда просто не вылезал, – с напускным неудовольствием ответил агент. – И все из-за того, что наши политики не сумели отстоять исконно русскую базу в Севастополе! Что уж, спрашивается, можно требовать от нас, военных разведчиков?

Ахмед-паша сделал вид, что пропустил мимо ушей последнее замечание, и как ни в чем не бывало продолжал:

– Господин капитан первого ранга, сегодня ближайшие вам родственные народы стали вашими непримиримыми противниками и, наоборот, ваши традиционные внешние враги считаются лучшими друзьями и стратегическими партнерами России. С точки зрения государства, которому вы служите, как можно оценить сегодняшнюю ситуацию? Поясню. Я недавно перечитывал труды Гитлера, так вот его планы в отношении СССР строились на двух постулатах: расчленение страны и насаждение различных обособленных религиозных течений. Не нужно быть мудрецом, чтобы не заметить аналогий...

– Что касается Гитлера, он был отнюдь не глупым человеком, – глубокомысленно произнес «Константинов». – Со всем не тем идиотом, каким мы его, по понятным причинам, выставляли... Я думаю, что его наследие заслуживает изучения хотя бы для того, чтобы видеть константы векового нажима Запада на Россию. Но Гитлер – история давняя. Есть более свежий пример – директива Совета национальной безопасности США от 1948 года, где были четко сформулиро-

ваны цели Запада в отношении нашей страны. И что мы видим? Почти полное совпадение с посылами недоброй памяти «господина с чубчиком»!

Согласно директиве, у СССР, во-первых, не должно быть мощного военного потенциала. Во-вторых, он не должен оказывать влияния на европейские страны. В-третьих, в нашей стране может быть любое правительство, даже коммунистическое, – не это самое главное. Важно, чтобы оно играло по правилам, установленным ведущими странами Запада. Надо признать, увы, что все эти цели сегодня достигнуты полностью! – с горечью произнес агент.

– А что здесь плохого? Американцы более последовательны в проведении своей политики, – невзначай заметил Ахмед-паша.

– Согласен. Американцы наметили четкую, реалистичную стратегию и на протяжении десятилетий воплощали ее в жизнь... Разведке, да и всем нормальным людям было понятно, в каком направлении действуют наши международные партнеры. Но были и иллюзии. Они были у Брежнева. Они выросли и у Горбачева.

– Простите, если я не ошибаюсь, вы второй раз ссылаетесь на разведку... Вы – разведчик?

– А вас это шокирует? – рассмеявшись, в свою очередь задал вопрос «Константинов».

– А у Ельцина? У него какого рода иллюзии? – настаивал турок.

– У Ельцина, я думаю, особых иллюзий нет... Но для того, чтобы отстаивать государственные интересы, надо иметь четкое представление об этих интересах. Надо иметь динамично развивающуюся экономику, эффективную разведку, а не только ядерные ракеты...

– Мне кажется, невозможно было работать в разведке и не проникнуться убеждением, что Советский Союз – лучшая форма государственной организации на том жизненном пространстве. Но сегодня кто-то из ваших бывших коллег работает в банке, кто-то создал частные охранные агентства... Словом, они занимают не последнее место в этой жизни и способны оказывать на нее влияние. Вас, господин каперанг, что удерживает на государственной службе, конкретно в разведке? Романтика? Чувство долга? Боль за утраченные советские пространства?

«Эк тебя проняло мое упоминание о разведке... Значит – поверил! – не без удовлетворения отметил про себя агент».

– Минуточку! Не надо перехлестывать. Советский Союз был названием нашей страны на протяжении всего лишь семидесяти четырех лет. Менялись названия, идеология и территория. Но остается главное – мы, русские люди, живем на своей русской земле, и нашему существованию возникла исторически эпохальная угроза. Русских, да и вообще жителей России, ежегодно становится на миллион меньше. Даже американцы пишут о невиданной демографической катастрофе. Есть о чем задуматься, а задумавшись, беспокоиться. Ре-

зультат нынешних реформ – это минус миллион русских людей в год...

– А почему, господин каперанг, вы все время говорите «русские, русские»? Вы ведь, судя по вашей фамилии и внешности, грек?

– На моей памяти у нас в разведке работали представители более тридцати национальностей. И никогда предпочтение никому не отдавалось... Так что, ваше превосходительство, грек я или еврей, спрос с меня как с профессионала одинаково высок... Знаете, в нашей системе не без успеха трудятся на благо России и турки! They are not short in brains too! (У них тоже башка варит.)

«Константинов» умолк, оценивая произведенный на турка эффект.

– Блестяще, господин Александриди! У вас настоящее оксфордское произношение! Вы бывали в Англии? – Ахмед-паша даже не пытался скрыть своей заинтересованности.

– Да, в студенческие годы...

– А сейчас вам часто приходится выезжать за рубеж?

«Так я тебе все сразу и выложил, ваше превосходительство! Похоже, тебе уже чудится запах парного молока от близости к вымени судьбы... Ты меня, что, как мальчика, хочешь взять „на ура“? А подписку о состоявшейся вербовке отберешь вон там, за колонной?!» – подумал «Константинов», но ответил вполне дипломатично:

– По мере необходимости...

Поняв, что переусердствовал, военный атташе поспешил сменить тему.

– Я надеюсь, ваше посещение Стамбула связано с какими-то официальными переговорами? Если да, то я мог бы оказать вам значительную помощь через свои возможности...

– Благодарю вас, ваше превосходительство! Вы, в свою очередь, можете без стеснения обращаться ко мне при выезде в Новороссийск! – сделал ответный выпад «Константинов».

Вслед за этим предложением военный атташе сразу потерял интерес к агенту.

– Дорогая, – обратился турок к жене, – займитесь нашим гостем!

«Константинов» исподволь наблюдал за турчанкой, задаваясь вопросом, *что* она будет делать с сумочкой?

Ширин нежно взяла грека под руку, но затем, будто вспомнив что-то, бросилась к столику, где на подносе лежали визитные карточки приглашенных, и одним взмахом сбросила с запястья сумочку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.